

Наталья
Шатрова

Спаси меня,
мой талисман!

Исторические
романы любви

Наталья Шатрова

Спаси меня, мой талисман!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8908972
Спаси меня, мой талисман!: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06968-2

Аннотация

Древняя Русь... По безбрежным просторам Приволжских земель кочует множество племен, которые занимаются разбоем и работорговлей. Во время очередного набега на мирное славянское поселение красавицу Белаву и ее мачеху, почти что ровесницу, Недвигу берут в плен печенеги, а затем перепродают в другие руки, в третьи. Белаву и Недвигу теряют друг друга... Горька и тяжела жизнь в рабстве. Давно свела бы счеты с жизнью несчастная красавица, если бы не чувство, которое согревало ее сердце, – там, в родной земле, остался ее возлюбленный. С ним, с молодым купцом по имени Веселин, ждала встречи Белаву, к нему стремилась из дальних краев, в которые попала не по собственной воле. Вот только помнит ли ее киевский купец, ждет ли – или давно женился на другой?..

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Шатрова

Спаси меня, мой талисман!

Пролог

Степная осень с порывами холодного ветра и низкими темными тучами, предвещавшими скорый снег, загнала обитателей большого племени в свои жилища. Мрачная погода отпугнула даже детей, и почти все они скрылись от ветра в просторной веже¹ Недвиги.

Женщина рада была маленьким гостям. Она знала, чем может угодить ребятишкам и, усадив их вокруг себя, рассказывала сказки. Это было ее любимым занятием, и бывало, что и взрослые, управившись с дневными заботами, слушали ее вечерами. Ну а уж дети-то внимали ее рассказам с превеликим удовольствием. Сказок и историй она, скитаясь по землям, населенным разными народами, наслушалась за свою жизнь предостаточно и теперь охотно делилась ими с детишками, чтобы набирались житейского опыта и мудрости, которой подчас так не хватает людям в суровой жизни племени.

Но как бы ни интересен был рассказ пожилой женщины, едва на улице раздался радостный крик: «Люди, выходите! Отряд возвращается! Едут, едут!» – ребятиню словно ветром сдуло, и вежа враз опустела.

«Вот пострелята», – по-доброму улыбнулась Недвига и поспешила следом за ними встречать воинов. Они возвращались с последнего набега перед долгой и трудной зимой, и от его результата зависело, как племя переживет ее.

Недвига величаво, как подобает жене вождя, выплыла на улицу и огляделась зоркими очами. Она давно перестала вести счет своим годам, но лицо ее, несмотря на морщины, оставалось довольно привлекательным, и чувствовалось, что в молодости она была очень красива. Теперь седина сменила шелковистую чернь волос. Подводили ноги, все чаще давая о себе знать усталостью и ломотой перед непогодой. Зато глаза оставались зоркими и совсем не потеряли своего цвета, даже стали темнее, чем были в молодости, а взор их приобрел еще большую пронизательность.

Воины спешили, смеясь и радостно переговариваясь с сородичами. Все были счастливы: и воины, и их близкие-родные. Никто не погиб в бою, не покалечился, и поход в общем удался – невдалеке стояла большая группа пленных женщин и детей, изможденных, грязных, растрепанных.

Стройный седовласый мужчина спрыгнул с коня и, отдав поводья подбежавшему рабу, поспешно двинулся к Недвиге. Невольно она залюбовалась им, своим родным, дорогим сердцу и душе мужем, бывшим в ее жизни всем – надеждой, опорой, другом и любимым человеком.

Он, несмотря на годы, держался молодцевато, оружием пользовался умело и никому не уступал в верховой езде. Но Недвига исподволь уже подводила его к мысли уступить место вождя более сильному и молодому преемнику и удалиться на покой, чтобы обучать военному мастерству юных воинов, передавать им свой опыт.

Богатства за годы совместной жизни накоплено столько, что хватит до самой смерти, да еще и останется многочисленной родне. Совместных детей они не нажили, но у вождя были племянники, которых он любил как собственных чад. Так что безбедная старость им обеспечена. Чего зря надрываться?

¹ **Вежа** – круглое жилище кочевников типа юрты.

Этот поход очень беспокоил Недвигу. Все глаза проглядела, ожидая любимого, тревожась за него – ведь не мальчик уже, и даже пустяковая рана на теле может привести к гибели. Да и натура противника была известна Недвиге не понаслышке: славяне и русы сильны, в бою отважны и на военную хитрость горазды.

Но разве удержишь вождя и его народ, когда лазутчики донесли, что возвращается князь Олег с большой добычей из богатых Греков², – ну как тут не воспользоваться случаем, не отобрать у него хоть малую часть? Сами даже днепровские пороги, видимо, и созданы для того, чтобы великий сосед делился добычей с маленьким, которому одолеть море и могучее царство не под силу, повесить щит на воротах Царьграда невозможно – зато пограбить, устроить засаду очень даже с руки.

Засаду устраивали с особой тщательностью. Надо было пропустить передовой отряд с бравым Олегом далеко вперед, а напасть на последние ладьи, чтобы потери были невелики. А иначе никак не одолеть храбрых русов, хоть и опьяненных победой, но бдительных и на организацию обороны скорых.

– Ну, здравствуй, Недвига. Заждалась? – Мужчина подошел к жене почти вплотную, и от его близости заволновалось сердце, затрепетала душа, будто и не прожили вместе так много лет, а все еще, как и прежде, молодые, здоровые, не представляющие жизни друг без друга.

– Все глазоньки проглядела, ожидаючи, – вздохнула женщина, испытывая огромное желание кинуться ему на шею и всплакнуть от радости, но нельзя: суровая жизнь племени не терпит проявлений на людях ласки, и лишь грубая сила здесь в почете.

– Удача сопутствовала нам всю дорогу. Посмотри, сколько пленных захватил я, – с гордостью произнес вождь, небрежно махнув рукой в сторону скученных, изможденных рабов, выдержавших тяжелый путь по морю и Днепру.

Недвига снисходительно улыбнулась. Муж, как дитя малое, все хочет ее чем-то удивить, хотя и знает, что богатство никогда не волновало ее, а к пленникам она относилась с состраданием, принимая это зло как неизбежность, которую не в силах предотвратить. Но, прежде чем муж уводил рабов на продажу, она всегда разговаривала с бедными людьми, расспрашивала их, ожидая хоть под конец жизни встретить знакомого или просто того, кто мог бы рассказать ей об оставленных далеко отсюда родных.

Вот и сейчас Недвига сразу заметила иную пленницу. Маленького роста, черноволосая, темноглазая полонянка напоминала пугливую самку сайгака, трогательную и беспомощную. Она стояла чуть поодаль от толпы рабов в грязном, оборванном одеянии, сложив ручки под грудью, пряча кулачки.

Сердце женщины наполнилось жалостью. Уж больно девочка напоминала ее саму в юности. Может, это и обман зрения, но Недвига уже знала, что не сможет просто так расстаться с ней.

Подойдя к девушке, женщина выудила из памяти несколько греческих слов и спросила:

– Как зовут тебя?

Девушка поняла, удивленно вскинула брови. Она явно не ожидала услышать в чужой земле знакомую речь.

– Мелина.

Ответ прозвучал приятно, лаская слух, но от Недвиги не укрылось полуобморочное состояние девушки. Ничего удивительного, кто же кормит рабов в пути?

– Пойдем со мной, – распорядилась она.

² Греки – Византия.

На этот раз Недвига забыла свое правило расспрашивать всех пленных. Да и что они могут поведать, коли прибыли из далекой страны, в которой она никогда не была. Уж наверняка родных и знакомых там нет.

Девушка покорно двинулась следом за новой хозяйкой. Неторопливо вышагивая впереди, Недвига думала о том, что и сама когда-то была не в лучшем положении. Она хорошо понимала страх невольницы. Надо ей дать время оглядеться, привыкнуть к здешней жизни, только затем впрягать в работу; и наказ дать другим, чтобы не заставляли ее заниматься непосильным трудом – ведь совсем худосочна девочка, того и гляди переломится.

Подведя девушку к костру, где расторопные рабыни и молодки готовили еду для прибывших воинов, Недвига распорядилась как можно быстрее накормить полонянку и приготовить для нее чан с теплой водой.

Мелина, не понимая чужой речи, стояла тихо, лишь изредка боязливо поглядывая на людей. Одна из молодых взяла ее за руку, подвела к костру, усадила, всунула в руки миску, наполненную горячим варевом из булькающего на огне котла.

Мелина беспомощно уставилась в миску. Недвига усмехнулась, сняла со своего пояса деревянную ложку, протянула ей.

– Ешь. Но немного. А то с голодухи может живот вспучить.

Девушка кивнула и принялась есть, старательно дуя на ложку. Недвига, глядя на нее, никак не могла избавиться от чувства жалости. Ведь вроде давно привыкла ко всей несправедливости в жизни, заставляла себя не мучиться, не страдать. Ну, какое ей дело до этой девочки? Даже муж укорял ее порой за излишнюю жалость. Но сердце, видать, не изменишь, не научишь его не болеть о других.

Девушка поела, и Недвига повела ее в вежу. Следом две крупные рабыни понесли чан с теплой водой.

– Сейчас ты вымоешься и переоденешься, – приказала Недвига. – Раздевайся.

Мелина покорно принялась снимать с себя одежду, обнажая худенькое тельце с выступающими ребрами. Недвига сразу обратила внимание на то, что, раздеваясь, она как-то странно держит левую руку, стараясь не разжимать кулачок. «Прячет что-то, – догадалась женщина. – Наверное, христианский крестик. Оно и понятно, у рабов все отбирают. Как же она так долго берегла свою святыню?»

Мелина между тем влезла в чан и стала мыться одной рукой, так и не разжимая кулачок.

– Что там у тебя? Покажи, – не выдержала Недвига.

Девчонка замотала головой и вдруг молниеносно засунула то, что держала в кулаке, в рот.

– Вот бесовка. Проглотишь ведь, глупая. Не бойся, я не отниму у тебя, даже если это будет дорогая вещь. Наверное, ты христианка и прячешь крестик? Да?

Некоторое время девушка печально смотрела на Недвигу, затем, видимо, уверившись в добрых намерениях хозяйки, молча вынула изо рта вещицу, и сердце Недвиги учащенно забилось.

На девичьей ладони лежал золотой перстень с зеленоватым, чистым, холодно-прозрачным камушком. Не веря своим глазам, Недвига взяла перстень, поднесла поближе к лицу.

Мелина настороженно наблюдала за ней, но не предпринимала попыток отобрать перстень обратно. Недвига оглядела его со всех сторон, затем нажала на заветное место, хорошо представляя, что за этим последует. Камушек откинулся, открывая небольшое пустое углубление.

– Откуда ты знаешь этот секрет? – воскликнула изумленная девушка.

Недвига поставила камень на место.

– Ты не поверишь, но я многое знаю, связанное с этим перстнем, – произнесла она, таинственно улыбаясь.

Часть первая Крепость – надежда

Глава первая

878 г. (от Р. Х.)

Недвига вышла на крыльцо избы, с упоением вдохнула свежий воздух. Она любила раннюю осень не за красоту и живописность, хотя невольно и любовалась разноцветными листьями на деревьях, и летящими паутинками, переливающимися на солнце, и прозрачной синевой неба с прощальными взмахами крыльев птиц. Она любила ее за спокойствие и безмятежность, приходящие после тяжелой летней страды, когда урожай жита собран, а сбор льна и конопли еще не начался. Недаром эти теплые дивные деньки называют бабьим летом – это единственные дни, предоставленные женщине для отдыха от нескончаемых работ.

Недвига посмотрела вдаль, на холм, покрытый лесом. Ветерок гулял по верхушкам деревьев, и ей показалось, что она слышит шепот листьев, такая удивительная тишина стояла вокруг. «Не к добру», – подумала женщина и окликнула мужа, возившегося в хлеву.

– Обед уже, а детей нет. Не случилось бы чего...

– Что с ними будет, – раздался глухой голос, – придут скоро.

– Каша-то стынет...

Не дождавшись ответа, Недвига вернулась в дом. За шестнадцать лет совместной жизни она так и не привыкла к безмятежному спокойствию мужа. А вот у нее душа не на месте, все тревога какая-то одолевает. Дети в лес ушли по грибы, и чего бы ей беспокоиться? Но сердце все ноет, тревожится.

Недвига вздохнула, оглядела небольшую избу, прокопченные стены, скользнула взглядом по каменной печи. На ней, еще теплой, стоял горшок с кашей. Женщина прошла к лавке у открытого проема оконца, села на нее, машинально запустила веретено, чтобы хоть чем-нибудь занять руки и мысли.

Двенадцать лет ей было, когда вошла в этот дом хозяйкой. Всякое бывало, но такой тревоги никогда не испытывала. Да и о чем ей было печалиться? За годы замужества не увяла ее красота: блестящие черные волосы, необычные в этих краях; чарующий взгляд из-под пушистых ресниц; прямой нос, хрупкая девичья фигурка с тонкой талией и нежными руками, вызывающая презрение у тяжеловесных соседок. Но какое ей дело до них, когда муж по-прежнему, несмотря на прожитые вместе годы, смотрит на нее с восхищением и любит ее. Правда, на людях и при детях он суров и никогда не покажет нежных чувств, но это уж жизнь такая: и летом, и зимой в трудах и заботах о хлебе насущном – не до ласк.

Раздался свист, и нечто пылающее пролетело мимо открытого проема оконца, затем раздался глухой стук, будто что-то острое и твердое воткнулось в дерево. Недвига отложила веретено и, еще не понимая, что случилось, опрометью выскочила из избы.

В косяк двери намертво впиалась стрела с горящим оперением. Недвига схватилась за древко стрелы, пытаясь вырвать ее. Но огонь опалил руки, женщина отшатнулась и замерла от страха: на нее летел всадник, размахивая длинным кривым ножом.

Всего мгновение Недвига стояла, затем опомнилась, закричала, бросилась бежать. Из хлева выскочил муж с топором в руках. Женщина споткнулась, упала, стукнулась головой. В глазах потемнело, и все исчезло.

Очнулась, когда почувствовала, что ее поднимают вверх, перебрасывают через круп коня. Недвига увидела окровавленного мужа, безжизненно лежащего около хлева, застонала и снова потеряла сознание.

Ярина вздохнула полной грудью, наслаждаясь лесной свежестью, и посмотрела на младшего брата, поддевающего носком лыкового лаптя поганки и мухоморы. С утра они бродят по лесу, собирая грибы, которых после обильного дождя уродилось видимо-невидимо. Ребята полные лукошки набрали, а конца грибам нет, так сами и просятся в руки.

Беззаботный братец задел белый гриб и прошел мимо – лукошки-то полные. Ярина отвела взгляд, но сердце не выдержало.

– Дар, может, в твою рубаху грибы пересыплем, а в лукошки еще наберем? – предложила она.

Ей пятнадцать, и она всего на год старше брата, но давно уже привыкла к его беспрекословному подчинению.

– Ладно, – легко согласился паренек.

Сколько он себя помнит, никогда ни в чем сестре не отказывал. Денечки стоят погожие, солнышко тепло пригревает, ласковые лучи пробиваются сквозь ветви, золотя листья. Почему бы и не раздеться? Дар начал снимать с себя рубаху, но Ярина остановила его.

– Лучше на поляну выйдем, а то потом место, где рубаху в лесу оставим, не найдем.

Они вышли из леса на поляну. С холма, на котором рос лес, открывались взору бесконечные просторы: пашни и пастбища, весь³ и речка, поля и луга, и вновь – леса. Места по берегам Псела давно обжиты человеком, потому как богаты и рыбой, и зверем, и птицей.

Дар снял через голову рубаху, обнажив загорелую грудь с висящим костяным оберегом в виде коня, связал вместе рукава и раскрыл подол – получился объемистый мешок, в который девушка пересыпала грибы.

Вдруг порыв ветра донес до них запах дыма. Ярина опустила на землю лукошко с оставшимися на дне грибами, посмотрела в сторону родной веси: селение заволкло густым дымом пожарища.

– Дар, смотри! – закричала она, стремглав срываясь с холма.

Паренек в это время связывал концы подола наполненной рубахи, чтобы грибы не высыпались. Он вздрогнул от крика, бросил мешок, в два прыжка настиг сестру и повалил ее в густую траву.

– Ты что, Дар?! Там пожар! – выдохнула Ярина, сердито уставясь на него: явно бесцеломный толчок ей не понравился.

Дар благодаря отцу неплохо владел навыком охотника и наметанным глазом увидел то, чего не заметила охваченная тревогой сестра.

– Там чужие! Лежи тихо!

Проглотив обиду, готовую вылиться потоком гневных слов, Ярина подчинилась грозному окрику и осталась лежать. Вскоре любопытство перебороло страх. Приподнявшись над высокой травой, она посмотрела вниз и сразу увидела всадников, державших в руках луки и сверкающие на солнце стрелы с разноцветными оперениями. Особенный трепет внушали длинные древки с навершиями, изображавшими оскаленные пасти волков.

– Хазары? – спросила Ярина.

Брат пожал плечами. С тех пор как северяне⁴ покорились Хазарскому каганату⁵, хазары перестали нападать на них. Зачем грабить и жечь, если каждый дым⁶ и так исправно платит дань?

³ **Весь** – сельское поселение.

⁴ **Северяне** – одно из племен Древней Руси.

Всадники выгнали из веси вереницу связанных женщин, детей и израненных, истекающих кровью мужчин. Несчастные спотыкались и падали, но тут же поспешно вставали, страшась свистящей над ними плети.

Ярина заплакала.

– Не реви! – прикрикнул Дар и отвернулся: у самого на глаза навернулись слезы, но он продолжал пристально наблюдать за пленными, бредущими к реке, подмечая, что среди них нет ни матери, ни отца.

Ярина попыталась успокоиться, но тревога за родных нарастала, и слезы потекли сплошным потоком.

Из горящей веси выехали последние всадники, нагруженные награбленным добром, и припустили вдогонку за основным отрядом, переправлявшимся на другой берег Псела. Ребята, уже не таясь, поднялись в полный рост и смотрели на разбойников, неистово погоняющих плетью скот и людей.

Отряд, перебравшись за речку, стремительно удалялся навстречу полуденному солнцу. Брат и сестра долго смотрели с холма ему вслед, пока он не скрылся вдали. Только тогда они решились спуститься к разоренной веси.

То, что еще утром было довольно большим селением, превратилось в груды дотлевающих бревен и досок. Ветер, неизменно сопутствующий пожарам, подхватывал огонь, выбрасывая вверх снопы искр. Пепел кружил в воздухе, напоенным гарью. Прямоугольные глиняные печи с обвалившимися углами сиротливо выглядывали из-под слоя пепла, земли и обугленных бревен.

Ярина и Дар медленно брели по ряду⁷, обходя защитников веси, погибших в жестокой схватке. Сейчас ребята припомнили, что многие разбойники увозили с собой мертвые тела. Добыча нелегко далась захватчикам, несмотря на неожиданное нападение. Северяне с раннего детства приучены носить при себе нож и топор, и не так-то легко застать их врасплох, и каждый положил немало врагов, защищая родной кров. Среди мертвых защитников встречались даже женщины. Но силы оказались неравными. Северяне не спасли весь от разорения.

Брат и сестра подошли к месту, где некогда стояла самая добротная изба в веси, принадлежавшая их отцу. Дети гордились тем, что он был старостой, принимая как должное и большой дом, и достаток, и уважение сельчан. Теперь от дома осталась лишь огромная куча рухнувших обгорелых бревен и земли да торчащая из-под них полуобвалившаяся печь с неизвестно как уцелевшим горшком с кашей.

На заднем дворе среди дикого разрушения около сгоревшего дотла хлева лежал на спине отец. От множества ран его одежда превратилась в жуткие лохмотья, жесткие от спекшейся крови.

Ярина вскрикнула, опустилась возле отца на колени, попыталась стереть подолом своей рубахи кровь с его лица. Но трясущиеся руки и заплаканные глаза были плохими помощниками – все попытки очистить лицо оказались тщетными. Тогда Ярина простерла руки к небесам и завывала в голос, с причитаниями, как плачут северянские женщины, убиваясь по покойному.

Дар еле сдерживался, чтобы не зареветь вслед за сестрой. «Северянские мужчины никогда не плачут», – говаривал отец, приучая сына в любой обстановке сохранять спокойствие и трезвый ум.

⁵ **Хазарский каганат**, или **Хазария**, – государство, занимавшее в VII–X вв. территорию от Нижней Волги до Восточного Кавказа.

⁶ **Дым** – единица обложения данью.

⁷ **Ряд** – улица, славяне располагали дома вдоль рек в два-три ряда.

– Ярина, похоже, только мы с тобой и сбереглись, – парень коснулся плеча сестры. – Я вот что думаю: нельзя оставлять погибших на съедение зверям, души умерших не дадут нам покоя. Надо всех собрать в одно место и сотворить краду⁸.

Девочка перестала причитать, вытерла слезы, кивнула в знак согласия.

– Бери отца за ноги, а я возьму за плечи, – распорядился Дар.

Представив, как они вдвоем тащат отца, как его ноги выскальзывают из ее рук и со стуком падают на землю, как голова его безжизненно болтается на весу, девушка содрогнулась. Отец при жизни слыл в веси самым здоровым и сильным человеком, недаром сельчане выбрали его старостой, и смерть не умалила его достоинств, а только лишь неестественно выпрямила могучее тело.

Дар будто прочитал ее мысли.

– Оставим отца здесь, а других к нему подтащим, – тут же переменял он решение.

Солнце клонилось ко сну, когда они, надрываясь, приволокли на задний двор последнего из погибших. Матери среди убитых не было, и дети хоть и не заговаривали об этом, но каждый надеялся, что она жива и вот-вот объявится.

В сумерках к небу взметнулся огромный погребальный костер, ярко осветивший весь, спасая души умерших от неприкаянного хождения по свету.

Ярина и Дар затаили во весь голос печальную кару⁹. Если душу не оплакать, она обернется русалкой и будет заманивать путников в свое жилище или, что еще хуже, будет морить скот, нагонять засуху и болезни.

Всю ночь брат и сестра попеременно дежурили у крады, зажимая носы от тошнотворного запаха горелой плоти. Подбрасывали дрова в прожорливый огонь, медленно сжигавший человеческие тела. Утром полусгоревшие останки завалили землей, хотя испокон веков прах хоронили на крестце дорог под верховным богом Родом¹⁰, – но нести обгоревшие трупы туда у них уже не было сил.

Ярина и Дар покинули разрушенное и сожженное селение, дошли до деревянного Рода, постояли перед ним молча, наблюдая за лучами солнца, скользящими по его сверкающим бороде и волосам. Сколько веков стоит он, а ни снег, ни дождь не смыли золотую краску, наложенную умелыми руками предков, знавших тайну ее состава.

У Великого Рода переkreщивались дороги и уходили в разные стороны, маня посетить неизведанные дали, но ребята, не сговариваясь, двинулись вдоль берега реки. Там, за лесом, жила их сестра Белава, выданная замуж в чужую весь.

Белава поднялась с рассветом. Подоила козу, вывела ее на лужок, привязала к колышку. Около избы развела костер, поставила варить похлебку в старом глиняном горшке.

Некогда изба, рубленная из бревен неподалеку от живительного родника, принадлежала волхву и выгодно отличалась от северянских полуземлянок своим добротным видом. Но лет с тех пор прошло немало, и время не пощадило сруб, превратив жилище в ветхую лачугу. Нижние венцы прогнили, стены перекошились. Низкая дверь стала плохо закрываться. В пустой проем оконца, закрывавшийся осенью и зимой деревянной заслонкой, задувал ветер. После смерти волхва сюда никто не приходил, боясь русалок и оборотней-волколаков, селившихся в пустующих жилищах.

Вот в эту-то избу и перебралась Белава после смерти мужа, спасаясь от драчливых пасынков, перессорившихся между собой из-за отцовского наследства. Жить у леса жутковато, но, приобретя долгожданную независимость и радуясь собственному жилью, Белава

⁸ Крада – погребальный костер.

⁹ Кара – песня-плач для оплакивания покойных.

¹⁰ Род – славянский бог, мироправитель.

не страдала от одиночества. С детства она привыкла сама себя развлекать, находя занятия по душе.

Мать Белавы умерла, когда девочка была еще крохой, а отец не торопился связать судьбу с новой женой. Бабушка заменила девочке и мать, и наставницу в хозяйских делах, научила распознавать травы и лечить недуги – знания эти передавались по женской линии из поколения в поколение, береглись и преумножались.

Отец – большой, сильный, крепко державший в руках оружие и умело применявший его на охоте – часто сажал Белаву на колени, гладил ее белую головку широкой ладонью и хвалил, называя своей маленькой хозяйшкой.

Однажды появился в веси гонец, и от имени полянских¹¹ князей Аскольда и Дира стал призывать смердов¹² идти на богатый Царьград. Отец послушал гонца и, чтобы разбогатеть, отправился в Киев, где собирали разноплеменную дружину для похода. Вернулся отец из похода на коне, к седлу которого были приторочены сумы и котомки. Из-за спины отца испуганно смотрела черноволосая полонянка, совсем юная, худая и неказистая. Белаву тогда подумала, что отец привез для нее подружку, но вместо того, чтобы обрадоваться, почувствовала неприязнь – и предчувствие не обмануло ее.

Отец назвал полонянку женой. Сначала та и двух слов не могла сказать по-северянски, твердила она только свое имя: «Недвиг», – а жизнь Белавы уже пошла наперекосяк. Ей казалось, что она трудилась не меньше мачехи, с учетом своих шести лет, разумеется, а все добрые отцовские слова и ласковые взгляды предназначались только жене.

Затем у Недвиги стал расти живот. Белаву с удивлением смотрела на мачеху, а бабушка ругала отца: «Вторую жену уморить решил? Девчонке и тринадцати нет, куда ей рожать?» Отец ходил угрюмым, а в сердце Белавы закрадывалась надежда, которую она и боялась, и стыдилась: может, и вправду умрет?

Рожала Недвига в страшных мучениях, металась и плакала. Бабушка терпеливо успокаивала ее. Белаву от страха забила в угол и смотрела на роженицу, которой совсем недавно еще желала смерти, а теперь неистово просила Рода и его помощниц Рожаниц облегчить мачехе страдания. Лишь много позже она поняла, что именно в тот страшный день проснулась в ней ведунья, призванная в этот мир исцелять и облегчать боль людям, и даже злейшему врагу она обязана оказывать помощь, не забывая о сострадании. Вот и бабушка ей об этом постоянно твердила, а поняла она это лишь пожалев Недвигу.

Недвига родила дочь в начале июня, в праздник Ярило¹³, потому и называли ее Яриной. Из-за страшных разрывов Недвига долго не могла ходить самостоятельно, и Белаве часто приходилось водить ее во двор, приносить ей еду и питье в постель. Белаву невольно жалела мачеху, с ужасом думая о том, что самой когда-нибудь придется испытать такие же мучения, но близости и понимания между ними так и не возникло.

Едва Белаву достигла брачного возраста, ей стали подыскивать жениха. И нашли бы достойного, потому что девушка вобрала в себя всю славянскую красоту: круглолица, румяна, светлые брови вразлет, белоснежные пряди волос спускались до поясницы, зеленый омут глаз манил и притягивал. Природа не обидела ее, наделив здоровьем для вынашивания детей и несения нелегкой женской доли, но сама Белаву сознательно отпугивала парней, держась с ними неприветливо и заносчиво, предпочитая гуляньям и утехам свое занятие знахарством.

¹¹ Поляне – одно из племен Древней Руси.

¹² Смерды – предположительно древнейшее название крестьян.

¹³ Ярило – бог плодородия, бог зерна, умирающего в земле, чтобы возродиться колосом.

Женихи чувствовали ее отчуждение и не спешили умыкнуть из родительского дома. Наконец отец, не желая больше терпеть вольностей, выдал ее замуж за первого, кто посватался.

Жених был на тридцать лет старше Белава. Он имел трех сыновей – двух женатых и одного холостого, – четырех снох и внуков несчетно. Белава и пожаловаться было некому – единственная заступница, бабушка, к этому времени уже умерла.

Белава навсегда запомнила тот злополучный день, когда стала женой. С утра мачеха послала ее к реке полоскать белье. Только девушка наклонилась над водой, из кустов выскочил старец: волосы и борода седые, косматые, нечесанные, лицо серое, в морщинах. С перепугу Белава не признала жениха. Впрочем, она и видела его всего один раз, когда он приходил свататься, а она отказала ему, гордо вздернув подбородок.

Отец тогда вмешался, сердито прикрикнув на нее: «Молчать, хватит семью позорить. У меня вторая дочь растет. Ей что же, до старости ждать, когда ты замуж выйдешь?» Девушка расплакалась и дала согласие.

Старец подскочил к Белава. Она закричала, рванулась бежать. Появились еще трое здоровых мужчин. Это были сыновья старца, и все они тоже приезжали на сговор, но Белава с перепугу и их не узнала. Они схватили ее, забросили на лошадь – и в лес. Умыкнули! Вот тогда Белава и поняла, что девичьей свободе конец пришел.

Ехала молча, хотя по обычаю невесте требовалось кричать, брыкаться и кусаться. Крупные слезы обиды на родных капали в траву, – лежала Белава на крупе лошади вниз головой. Она приготовилась ехать долго, но лошадь остановилась на полянке, окруженной со всех сторон вековыми деревьями.

Жених спешился, велел и Белава слезть с коня. Думая, что он решил пересадить ее по-человечески, она спокойно сползла с крупа, но едва ее ноги коснулись земли, старец толкнул ее, повалив на спину. Девица опомниться не успела, а подол рубахи уже был задран, и грузное тело навалилось сверху. Белава вскрикнула, но шершавая ладонь зажала ей рот.

Белава, будучи скромной и добропорядочной девицей, имела смутное представление о взаимоотношениях мужчин и женщин. На игрища, устраиваемые молодежью, она не ходила, в праздники допоздна не гуляла, в купальскую ночь собирала травы, шарахаясь от любого мелькавшего в кустах обнаженного тела. Происходящее сейчас внушало ей неопишное отвращение.

Наконец жених, удовлетворившись, отпустил Белава. Она приподнялась и неприязненно уставилась снизу вверх на завязывающего штаны старца. И этот грязный вонючий мужичонка – ее муж!

– А ты – девственница, – довольно хрюкнул он. – А я думал: с чего девка до семнадцати лет дома засиделась? Не иначе как подпорченный товар мне сунули.

– Зачем же брал? – огрызнулась Белава, поправляя подол рубахи.

– Так ты на весь окрест как знахарка знаменита, всю мою семью одна прокормить сможешь.

Слова мужа привели Белава в негодование. Она хотела высказать ему все, что о нем думает, но сдержалась, сообразив вдруг: такова его месть за недавний отказ выйти замуж. Отец хорошее вено¹⁴ за нее получил, и сколько угодно можно возмущаться и роптать – никто не избавит от ненавистного ига.

На поляну выехали другие похитители, его сыновья. Двое нагло ухмылялись, третий, Веселин, смущенно прятал глаза. Белава встала, стряхнула с рубахи преле листья. Муж вскочил на лошадь, велел Белава сесть позади себя. Превозмогая боль в паху, она вскарабкалась на круп и стойко преодолела тряскую дорогу.

¹⁴ Вено – брачная плата за невесту.

Со временем Белава научилась терпеть и самодурство мужа, грубость пасынков и их ехидных жен. Единственное, к чему она так и не привыкла, – это к своим ночным обязанностям жены. Выполнять их требовалось не часто, но от этого они не становились менее противными.

Веселин – младший из сыновей мужа – один относился к ней с должным уважением и вниманием. Казалось, он понимал, как ей тяжело в чужой семье, и всеми силами старался помочь освоиться. Но через полгода Веселин уехал в Киев, и с тех пор о нем никто ничего не слышал.

Белава и на новом месте продолжила занятие ведуньи, и муж был очень доволен, когда сельчане приносили за лечение продукты, кожу, шерсть. Она же сама многого не требовала, придерживаясь первой заповеди знахарей: не просить больше, чем дают, иначе дар потеряешь.

Три года Белава прожила с постылым мужем, пока не постигла его страшная смерть. Зимой пошел он в лес за дровами и не вернулся, и лишь ранней весной недалеко от веси нашли его замерзший труп. Не дошел до дома всего ничего, заплутал, видимо, или заморочка какая напала.

Лютый, старший пасынок, попробовал Белаву обвинить в злодействе: напустила ведовство, вот и потерялся отец в двух соснах. Но второй пасынок засомневался: метель была, кто угодно мог заблудиться.

Мужа предали краде. Останки его еще не сгорели, а между сыновьями начались ссоры из-за наследства, – и стало им не до мачехи. Вот тогда она и перебралась в лачугу у леса, радуясь обретенной свободе.

Хворые сельчане про нее не забывали. Правда, посещала ее только наиболее отважная часть населения – женщины, – да и то крадучись и сплевывая через плечо. Мужики же к избе волхва и близко подходить боялись, свято веря в русалок, нападающих на добрых молодцев, чтобы затащить их к себе в лесные жилища и сделать из них покорных мужей.

Несколько раз навевались к ней и дорогие гости: отец, мачеха и их дети: Ярина и Дар. Слезно упрашивали вернуться в родную весь: негоже дочери старосты жить отшельницей в колдовском месте. Но Белава наотрез отказалась. Обида на отца с годами прошла, но возвращаться к нему она не хотела, страшась снова потерять свою независимость.

Белава вздохнула, подбрасывая в огонь сушняк. Непонятная тревога второй день душу гнетет. Ох, чует сердце недоброе. Давно она уже близких не видела, соскучилась по отцу и сестренке, по Дару. Почему они ее не навещают? Полевые работы закончились уже. А может, самой к ним сходить, проведать, на родную весь посмотреть?

Белава попробовала похлебку. Готова. Пора тушить огонь. Она встала, взяла бадью, хотела спуститься к родничку за водой и в этот миг заметила двух подростков, выходящих из леса. Лиц издали не разглядеть, но сердце болезненно сжалось в предчувствии чего-то пугающего.

Белава забыла о воде, о костре, все напряженнее всматриваясь в силуэты приближавшихся, а когда они не вошли в весь, а повернули к ее лачуге, она, уже не сомневаясь, побежала им навстречу.

Глава вторая

– Мне холодно, – хныкала Недвига, хлюпая носом. – Я замерзаю, спасите меня.

Голова Недвиги металась по меховой подстилке, а на лбу выступили капли холодного пота.

Женщина лет тридцати вытерла пот с ее лица, накрыла больную теплой шкурой.

– Что она шепчет? – немолодой лысый мужчина, невысокий, плотного телосложения, вопросительно посмотрел на жену.

– Что можно шептать в беспамятстве? – женщина пожала плечами.

– Она выживет?

– Наверное, – безразлично произнесла женщина.

– Ты должна сделать все, чтобы она поправилась, – сурово произнес мужчина. – Она не похожа на славянских женщин, и это удивляет меня.

– Да, она красива, – пришлось признать и женщине, – но хороших денег за нее не выручишь, не юная девица...

– Посмотрим, – неопределенно ответил мужчина и вышел.

Недвига застонала и очнулась. Странное помещение без углов окружало ее со всех сторон, посередине пылал каменный очаг, дым уходил в отверстие круглого сужающегося кверху потолка. В отверстие было видно темное небо и звезды.

У очага, присев на корточки, сидела светловолосая девушка. Услышав стон, она поднялась, прошла к Недвиге, внимательно всмотрелась в ее лицо.

– Ты кто? – простонала Недвига.

– Рабыня Рута, – ответила девушка на славянском языке, но с отличным от северянского выговором. – Ты болела.

– А куда я попала?

– К степнякам-печенегам. Не бойся, тебе не сделают плохого, когда ты поправишься, тебя продадут. Хочешь кушать?

– Я пить хочу.

Девушка прошла к двери, взяла ковш, зачерпнула из котла воды, вернулась к Недвиге. Больная хотела приподняться, но резкая боль в голове заставила ее застонать и прилечь.

– Наверное, тебе нельзя делать резких движений, – сочувственно произнесла Рута, обхватила ее за голову, приподняла, одновременно поднося ко рту ковш.

Недвига сделала несколько глотков, утолив жажду. Девушка бережно уложила ее обратно.

Недвига прикрыла глаза. Разговаривать не было сил, да почему-то и не хотелось. Рута немного подождала, затем поняла, что больная больше не произнесет ни слова, и вернулась к очагу.

«Значит, снова полон», – с тоской подумала Недвига. На роду ей, что ли, написана рабская доля? Вспомнила мужа. На глаза навернулись слезы, заскользили по щекам, Недвига оплакивала мужа и потерянных детей, вспоминала прошлое...

– Мне холодно, холодно...

– Терпи, терпи, не стони, иначе тебя выкинут за борт, ты же знаешь. Я ничего не смогу сделать.

Суровое напоминание сестрицы о рабском положении немного успокоило Недвику. Она замолчала, со страхом наблюдая за разбойником, беспечно стоящим у борта. Он с голо-

вой накрылся теплой промасленной шкурой, по которой на палубу стекали капли воды, льющейся с небес.

Ладья рассекала мрачные воды, скрытые серой пеленой дождя. На палубе в выемках скопилась вода, сухого места, куда могли бы присесть несколько десятков изможденных людей, оказавшихся в неволе, не было. Порывистый промозглый ветер раскачивал, трепал суденышко, и две сестры в страхе прижимались друг к дружке, боясь ненароком быть выброшенными за борт, они знали, что спасения ждать не от кого.

С тоской вспоминала Недвига родной кров, братьев и сестер, хотя еще совсем недавно желала, чтобы все они куда-нибудь провалились, просто исчезли, и все. Ей всего восемь лет, но с тех пор, как она помнила себя, Недвига остро чувствовала, что старшие дети отнимают у нее любовь и доброту матери. И не будь их, вся ласка доставалась бы только ей одной. В мечтах она часто селила себя и мать в прекрасном светлом домике – такие бывают в сказках, которые рассказывала бабушка, – и они жили в нем счастливо, ни в чем не нуждаясь. Бабушка умерла в эту зиму, а сказка все жила в душе девочки, навевая грустные мысли о счастливой жизни где-то там, в неведомом краю.

Отец, мать, старшие братья и сестры занимались тяжелой, изнурительной работой: подсекали деревья, выкорчевывали пни, сжигали их и распахивали расчищенную землю, чтобы тянуть из нее скудный урожай до полного ее истощения.

Недвига редко видела родителей. По малолетству ее оставляли дома с двумя сестрами. Одна из них готовила еду и смотрела за хозяйством, другая носила в поле обеды.

Ах, с какой радостью вошла бы Недвига сейчас в их нищую полуземлянку, прислонилась бы к пылающему очагу и с наслаждением слушала бы перебранку старших сестер. Но все это осталось далеко, между нею и родным домом пролег многодневный путь.

Недвига была слишком мала, чтобы разбираться в перипетиях судьбы, а тем более укорять себя в своей горькой доле, но нет-нет да и вспоминала, как в тот злополучный день впервые напросилась нести обед родителям. Хотела показать, какая она большая и хозяйственная девочка.

На беду, сестра вняла Недвигойной просьбе, вручила ей небольшое лукошко с лепешками, и обе они вышли на улицу, не подозревая, что на селение напали речные разбойники.

Время разбойниками было выбрано не случайно: взрослое население в поле, и можно не опасаться погони. И все же они торопились, хватали первых попавшихся женщин и детей и спешно грузили на ладью.

Недвига рот разинула от изумления, увидев перед собой незнакомых мужчин. Она попробовала закричать, но, ощутив на горле холодное лезвие ножа, так и не пикнула.

Ладья, груженная стонущими женщинами и плачущими детьми, отчалила от берега, и Недвига, глядя на удалявшиеся родные берега, ощущала какую-то непонятную тоскливую пустоту, будто понимала, что видит все это в последний раз.

Плыли долго. Над рекой витал прозрачной дымкой зной. Нещадно палило солнце. Скрыться от него негде: на палубе не было затененных мест. Еду давали раз в день, вечером, когда ладья причаливала к безлюдному берегу и речники варили немудреную пищу.

И вот жара сменилась затяжными непрерывными дождями и холодом, пробиравшим до костей. Сестры льнули друг к другу, стараясь согреться, со страхом наблюдая за стражей. Один больной мальчик, всю ночь метавшийся в горячем бреду, утром был беспощадно сброшен в реку. И хотя ладья давно миновала то страшное место, в ушах девочек все еще стоял его душераздирающий умоляющий крик.

Наконец ладья причалила к берегу не вечером, как обычно, а днем. Пленные заволновались, поглядывая на размытый долгими дождями обрыв, на водные потоки, сбегавшие по его крутому склону.

Стража невозмутимо принялась сгонять людей на берег.

– Кажется, приехали, – произнесла сестрица, ступая разъезжающимися ногами на липкую землю, но как далека она была от истины.

Мучения еще только начинались. Ладью надо было тащить по земле до другой реки волоком. Кругом пустынная земля, и далеко вперед уходила проложенная глубокая колея – не одну ладью протащили здесь речники, стремясь укоротить торговый путь.

Обессиленные люди еле-еле передвигали ноги, волоча ладью, руки еле успевали подкладывать под нее бревна-катки, по которым она скользила, убирать их сзади и бежать с ними вперед. Безжалостные разбойники не уставали подгонять рабов плетью. Плеть погуляла и по спинам маленьких сестер.

Вроде небольшой путь по длине, а преодолевали его не один день. Две маленькие девочки думали, что не выдержат, останутся на колее навечно, но выжили. Как? Знать, так им было суждено.

Наконец достигли реки, ладья скользнула в воду. Люди вздохнули с облегчением.

Дождь к этому времени уже закончился, светило солнце. Женщины, не стеснясь стражи, разделись и с наслаждением вошли в воду, стали плескаться, смывая с себя многодневную грязь и пот.

– Ах, сестрица, – Недвига радовалась теплу, быстро высушившему одежду, чистоте тела, которое она добросовестно оттерла речным песком, сухой палубе, на которой можно было теперь прилечь и отдохнуть после тяжелых испытаний, – я думала, умру, не выдержу.

Она прикрыла глаза, отдаваясь во власть дремотной неге. Впервые она не думала о родных, не горевала о разлуке с ними, ни о чем не мечтала, даже об окончании пути. Она ничего не хотела и уже ни к чему не стремилась – лишь бы поспать.

Ночью Недвиге стало плохо. Сестра проснулась от стона и вздохов, приложила руку к ее лбу и с ужасом ощутила под ладонью сухой жар. Ей было всего десять лет (считать года всех детей в семье приучила бабушка, заставляя каждое лето делать зарубку на выбранном дереве), но, будучи старше, чувствовала за сестренку ответственность. Что она скажет в свое оправдание родным, если случится чудо и они вновь встретятся? Спросят они: «Почему не уберегла младшую сестренку? Почему дала ей погибнуть, а сама выжила?» Что им ответить?

Но сильнее ответственности был страх потерять единственного родного и близкого человека, вместе с которым выдержала столько мытарств.

Надо быстро спрятать Недвигу от стражи или хотя бы сделать так, чтобы те не поняли, что она больна. Сердобольные женщины помогли перетащить девочку в дальний угол палубы, закрыли ее своими телами. Сестра не сомкнула глаз, ухаживая за больной всю ночь.

Судьба была благосклонна к Недвиге – к утру жар спал. Недвига смогла вместе со всеми выйти на берег, справить нужду и покушать. Но поправиться окончательно девочка уже никак не могла: с натугой кашляла и таяла на глазах, теряя в весе и спадая с лица.

В конце концов ладья остановилась на приколе у огромной белой зубчатой крепости, и разбойники погнали свой товар на невольничий рынок.

Недвига представляла собой жуткое зрелище: ребра выпирают, скулы осунулись, глаза блестят. Она цепко держалась за сестру, чтобы не упасть. Но стоять вместе им довелось недолго. Хмурый толстый дядька, повертев перед собой сестру как тряпичную куклу, быстро сторговался с разбойником.

Продавец жестами показал: купи, мол, и эту, они сестры. Но толстый сделал круглые страшные глаза и замахал руками, будто ему предложили мешок с чумой. Сообразив, что сейчас наступит разлука, девочки заревели в голос, схватились за руки, прижались друг к другу, и двум мужчинам с трудом удалось разнять их.

Сестру увели. Недвига, не удержавшись, села на землю и опустила голову себе на колени. Разбойник, махнув на нее рукой, отвернулся. В этот день удача улыбнулась ему, он

распродал большую часть своего товара и равнодушно отнесся к капризу маленькой девчонки.

Шло время. Ладья быстро пустела. Незаметно подкралась осень. Однообразной вереницей тянулись холодные тоскливые дни. Недвигу каждый день водили на рынок, но покупателя на нее не находилось. Разбойники стали поглядывать на нее как на обузу. Вскоре надо отчаливать домой, а хворая девчонка стягивала руки. Обратной дороги она точно не выдержит, и легче убить ее, чем прокормить и выходить. Недвига ежилась под злыми взглядами и чувствовала, что ее хозяин еле удерживается от желания пришибить ее чем-нибудь.

Сама Недвига хоть и была мала, а понимала, что зиму не переживет, и, в общем-то, относилась к своей участи равнодушно, покорно ожидая смерти.

В один промозглый серый день оставшихся невольников – старых, рябых, косых женщин – снова вывели на рынок. Накануне, посоветовавшись, разбойники решили, что пора отправляться домой, пока река не замерзла. Всех, кого не продадут, возьмут с собой. Женщины хоть и уродливы, но здоровы – в собственном хозяйстве пригодятся, а девчонка пусть сдыхает в пути, значит, богам так угодно.

Небо быстро затянулось тяжелыми низкими тучами, вскоре на землю хлынул поток мелких острых заледенелых хлопьев. Недвига, замерзая под беспощадным злым ветром, подумала, что видит белый свет в последний раз, но тут перед ней остановился пожилой мужчина и сочувственно поцокал языком.

Продавец приободрился, назвал цену. Мужчина удивленно присвистнул и неожиданно, разорвав на Недвиге ветхую рубаху, больно ткнул в выступавшие ребра пальцем. Из глаз Недвики потекли слезы. Продавец стушевался, а покупатель, весело хохотнув, похлопал девочку по плечу и отошел.

Разбойник грязно выругался и бросился за мужчиной, схватил его за руку, волнуясь, начал ему что-то втолковывать.

Покупатель еще раз взглянул на съезжившуюся девочку, достал из-за пояса одну монетку и вложил ее в протянутую ладонь продавца. Пока тот обескураженно рассматривал денежку, подошел к Недвиге, обхватил ее худенькое тельце, легко поднял и понес с рынка, ни разу не оглянувшись.

Мужчина принес ее на ладью. С удивлением Недвига увидела толпу рабов на палубе. Новый хозяин оказался перекупщиком живого товара.

Недвигу укрыли теплой шкурой, накормили. В отличие от разбойников, хозяин знал свою выгоду и бережно относился к живому товару, не давая ему пропасть и испортиться в пути.

Легла Недвига хоть и на палубе, но не на голых досках, а на мягких шкурах, быстро согревавших ее. Получив после стольких мытарств ласку и доброту, девочка прониклась величайшей благодарностью к своему спасителю. Он не сможет обидеть ее, решила она, иначе зачем ему кормить ее и укрывать от непогоды? И спокойно уснула, ни о чем более не беспокоясь.

Впервые никто не тревожил ее. Сон длился много часов, а когда Недвига проснулась, то увидела, что берега исчезли, а ладью, затерянную среди бескрайнего водного простора, бросает и треплет жестокий ветер, поднимая студеные волны и обрушивая их на палубу. Рабы беспомощно сбились в кучку: визжали женщины, мужчины глядели на разбушевавшуюся стихию безумными глазами. Лишь команда с упорством обреченных пыталась направить ладью подальше от скалистых берегов.

Девочке пришлось на ум в этот миг единственное – она должна всеми силами удержаться на ладье, не давая волне унести ее невесомое тельце в черную бездну. Она встала и схватилась за борт обеими руками. Колючий ветер обжигал ладони, холодная волна окатывала девочку с головы до ног. Недвига видела, как некоторых детей волна тащила по палубе и

выплескивала в море, и закрывала глаза, слушая их дикие крики. И еще отчаяннее цеплялась за борт. Наверное, тогда Недвига поняла, что каждый день ждать смерти – это одно, а вот так видеть ее в лицо – другое, намного хуже и страшнее.

Шторм закончился. Хозяин удрученно бродил по палубе, считая оставшихся в живых и не покалеченных рабов. Проходя мимо Недвиги, он скупой улыбнулся:

– Ты жива, малышка, Ну, слава богу.

Девочка ничего не поняла из чужой речи, но невольно протянула руки к небесам, благодаря неведомую силу за свое спасение, осознавая, что только воля случая помогла ей преодолеть неминуемую гибель.

И великую мудрость Недвига вынесла из этого испытания, осознав, что судьба почему-то благосклонно отнеслась к ней, не предала ее в страшный миг испытания, не лишила рассудка, не обрекла на смерть. Может, и правда есть кто-то неведомый, кто охраняет и бережет ее?

Перекупщик привез рабов в Херсонес. Он был греком и жил в колонии на берегу теплого моря. Постепенно всех рабов продали, а Недвигу хозяин оставил.

Осень сменялась зимой, зима – летом. Хозяин часто уезжал, а девочка росла рядом со слугами. Ее никто не обижал и не обременял работой. Имени ее никто не спрашивал, называя вслед за хозяином Малышкой, и вскоре она позабыла, как нарекли ее родители. Она часами просиживала на берегу, всматриваясь в бирюзовую даль, гуляла среди тенистых деревьев в небольшом саду усадьбы или взбиралась на горные склоны, бродила среди виноградных лоз, наслаждалась вкусом сладких ароматных ягод, любовалась морем, небом, солнцем.

На сытных харчах, под ласковыми лучами солнца Недвига окрепла, выросла, округлилась и расцвела.

Она крепко привязалась к хозяину. Он учил ее молиться своему Богу, говорил, что он един в трех лицах и нет на земле других богов. Недвига ничего не понимала, но, чтобы угодить хозяину, добросовестно выполняла все принятые в доме христианские обряды, хотя в церковь ее не водили, оставив некрещеной.

Из дальних плаваний хозяин привозил Недвиге подарки: игрушки, сладости. Ей было приятно, что он не забывает о ней в далеких странах, выбирая подарки. Значит, он относится к ней не как к рабыне, а намного серьезнее, может, ставит ее на уровень члена семьи. Семья у хозяина была небольшой: старая мать и сын с женой и маленьким ребенком.

Часто Недвига вспоминала сестру, с которой пришлось так много пережить на невольничьей ладье. Какая доля досталась ей? Так ли живет хорошо, как она? Не обижают ли ее злые люди? И за сестру Недвига молилась христианскому Богу, поскольку давно уже успела позабыть своих родных богов и духов.

Однажды хозяин уехал на целый год. Недвига очень тосковала. Каждый день ходила к причалу и с надеждой всматривалась в даль. И вот он вернулся из плавания. Увидев повзрослевшую Недвигу, поразился:

– Какая ты стала красивая!

– Мне уже двенадцать лет, – улыбнулась девочка, – я уже большая и могу выйти замуж...

– Да уж...

Хозяин довольно потер руки: мужское чутье его не обмануло. Не зря он приобрел за бесценок это милое создание. Теперь девчонка принесет большой доход его кошельку.

И вновь Недвигу выставили на рынке. Ее одели в короткую рубаху, открывавшую икры стройных ног. Из распахнутого ворота выглядывали небольшие плотные груди, еще только наливавшиеся женской спелостью. Черные волосы гладкими прядями спадали на плечи и спину.

Недвиг не могла поверить в предательство хозяина, которого почитала как родного отца. Слезы крупными каплями стекали с опущенных глаз ей на грудь. Грек подошел, вытер с ее щек слезы.

– Не реви. Ты рабыня. Я купил тебя, чтобы выгодно продать. Ты ведь не хочешь, чтобы я разорился?

Недвиг отрицательно замотала головой.

– Вот и умница. Ты хорошая девочка. Выпрями голову, покажи, какая ты красивая.

Недвиг встала прямо, вздернула подбородок, но глаза стыдливо спрятала за густыми бархатными ресницами, не подозревая, что этим придает себе вид невинного очарования и тем самым набивает цену.

Северянский воин случайно забрел в невольничий ряд, возвращаясь из похода на Царьград. Пусть поход и выдался неудачным: потрепала ладьи буря, помешала захватить богатый город, – зато воины сумели пограбить земли прибрежных римлян¹⁵. Сейчас, высадившись на берег полуострова, они мирно искали диковинные подарки для своих родных.

Заметил молодец девчонку, и подумалось ему: краше ее нет никого на всем белом свете. Красота не славянская, а чужая, иноземная, до того крепко за душу схватила, что не смог он мимо пройти, остановился. Постоял, подумал, посматривая на красавицу, отводящую взор, и, достав монеты, не торгуясь, заплатил. Накинул на нее вотолю¹⁶, снятую с собственных плеч, и увел с рынка, забыв о подарках для матери и дочери.

Снова поплыла Недвиг на ладье, а когда высадились на берег, воин на последние деньги купил коня, и до северянской веси они добирались верхом. Всю дорогу, сидя за спиной нового хозяина, она ерзала с непривычки, пытаясь переменить неудобное положение, и постоянно слышала окрик: «Не двигайся».

Семья хозяина встретила рабыню неласково, но смиренно. Старая женщина, мать воина, показала на себя пальцем, назвала свое имя и выразительно посмотрела на чужеземку. Та поняла, ткнула себя в грудь и громко произнесла: «Недвиг!» На губах мужчины сначала мелькнула улыбка, и, все же не сдержавшись, он расхохотался.

Хозяин ввел ее в дом не рабой, а женой и хозяйкой, повергнув в крайнее изумление и своих домочадцев, и соседей, и ее саму. Ей многому надо было учиться, и не только ведению хозяйства. Надо было учить чужой славянский язык и чужие обычаи. Но что было требовать от простой запуганной девчонки? Всего-то она боялась и страшилась сделать что-то не так.

Недвиг долго училась шить, прясть, ткать, готовить еду. Свекровь часто болела, а дочь мужа от первой покойной жены, Белава, которой всего-то исполнилось шесть лет, злорадствовала, видя ее неумение вести домашнее хозяйство.

Сначала Недвиг не понимала, что нелюбовь Белава вызвана ревностью, и приписывала все ее малолетству. Много позже, набрав ума и житейского опыта, она научилась прощать, несмотря на то что падчерица порой злила своим упорным нежеланием идти на уступки.

В тринадцать лет Недвиг родила дочь Ярину и чуть не лишилась жизни. Спасибо свекрови: выходила ее, но предупредила, что детей больше не будет. А Недвиг мечтала о сыне, приносила жертвы Роду и Макоши¹⁷ и неистово молила о нем христианского Бога. Она почитала всех богов одинаково добросовестно, окончательно запутавшись в силах небесных, земных и подземных, но свято верила – должны помочь.

Ну, какая семья без сына? Сын – помощник, отрада и опора, кормилец на старости лет. Очень почетно в северянских весях иметь сыновей – что ж поделать?

¹⁵ **Римляне** – так называли себя византийские греки.

¹⁶ **Вотола** – накидка из грубой простой ткани.

¹⁷ **Макошь** – богиня плодородия, женской судьбы, покровительница прях.

А пуще всего она боялась, что муж надумает привести в дом вторую жену – молодую, здоровую, способную родить кучу сыновей. Потому всячески старалась ублажать его, чтобы на других даже не смотрел, и ее нехитрые попытки привязать мужа имели огромный успех, вызывая зависть у соседок.

А молитвы не пропали зря, боги услышали их. Подъехал как-то к избе молодой воин, спешил во дворе, снял с коня люльку, а в ней – розовощекий упитанный мальчонка. Ручками-ножками дрыгает и лыбится всему белу свету. У Недвиги сердце так и зашло в умилении.

Внес человек люльку в избу, поставил на дубовый стол и дал наказ: беречь ребенка пуще глаза своего, ибо он из знатного рода. Недвига поклонилась воину низко в пояс и поклялась, что никогда не обидит дитяtko. Незнакомец вышел, оставив рядом с люлькой пухлый мешочек с монетами, даже имени не поведал – ни своего, ни ребенка.

В северянских весях подкинутых детей принимали за дар небесный и растили как собственных. Дар в семье прижился роднее родного, и вскоре никто уже не вспоминал о тайне его появления.

Лета пронеслись словно день один. Недвига мужа уважала, ни в чем ему не перечила. Жили хорошо: еда на столе и одежда на теле. Работать приходилось от зари до зари, но муж часто жалел ее, да и должность старосты давала преимущество: все норовили ему угодить, кто продуктами, кто отработкой на поле.

К двадцати восьми годам Недвига превратилась в замечательную хозяйку и покладистую жену, стала такой, какой и должна быть жена старосты – уважаемого в веси человека. Добилась этого не сразу, что ж скрывать, много слез выплакала, много раз свет не мил был из-за Белавы. Изводила вредная девчонка мачеху как хотела, не признавая ее за хозяйку.

Недвига вынесла все и ни разу не пожаловалась мужу на вредную падчерицу. Да и мужу надо отдать должное – с ним как за каменной стеной была. Берег ее, любил, уважал и от других уважения требовал.

Жить бы да не тужить, но, видать, на роду ей была написана рабская доля.

Недвиге показалось, что прошло не так уж много времени, но когда она очнулась вновь, в маленькое отверстие светило солнце, очаг не пылал, и вместо девушки на корточках около открытого полога, пропускающего дневной свет, сидела женщина – темноволосая, худенькая, маленькая и ослепительно красивая.

– Кто ты? – спросила Недвига.

Женщина нахмурилась, недобро хмыкнула, повернулась к открытому пологу и крикнула:

– Рута! – затем встала, сладко потянулась и вышла из помещения.

Впорхнула Рута, улыбнулась:

– Вот, сразу видно, что тебе лучше. При свете дня ты хорошо выглядишь. Скоро поправишься. Сейчас я тебя ухой¹⁸ накормлю из свеженького мяса.

Рута взяла с очага миску, приложила ее к губам.

– Теплая уха, не успела остыть еще, – удовлетворенно заметила она и поднесла миску больной.

Еще мгновение назад Недвига даже не думала о еде, но приятный запах сразу вызвал чувство голода, и она выпила всю миску, достала со дна кусочки мяса и отправила их в рот.

– Мало? – сочувственно произнесла Рута. – Потерпи немного, скоро обед сварится.

– А кто та женщина? Она со мной почему-то не стала разговаривать.

¹⁸ Уха – любой суп или похлебка.

– Да как она с тобой разговаривать будет? – улыбнулась Рута, обнажив ряд белоснежных зубов. – Она же не понимает тебя. Забыла? Ты у печенегов. А женщину эту зовут Тенгизой. Она вторая жена хозяина. Она ухаживала за тобой. Ты ей спасибо должна сказать – выходила тебя.

– Я долго болела?

Девушка пожала плечами:

– Не знаю, я считать не умею. Снег один раз выпал, но стоял. Скоро зима. Ну, мне пора. Накормила тебя – и за работу. Я знаю, тебе все хочется узнать, но скоро во всем разберешься. Ты пока здесь поживешь. Зима – на невольничьих рынках затишье.

– Рута! – раздался с улицы недовольный окрик.

– Ну, я побежала. Тенгиза сегодня злющая. Поправляйся...

Глава третья

879 г. (от Р.Х.)

Лето выдалось необычно тяжелым: с тех пор как стоял снег, ни одной дождинки не выпало. От яркого солнца, палящего с раннего утра до позднего вечера, за весь день ни разу не прикрывшись тучкой, от суши и суховея пожухли колосья на полях, травы на пастбищах выгорели. Пыль и зной слепят глаза. Во время колошения нив особо дождь земле необходим, но вот и праздник Купалы, бога земных плодов, наступил, а небо не пролило воды ни капельки.

Не спится Белаве. Смотрит она, лежа на спине, на полусгнившие балки перекрытия и думает: беда на мир идет лютая, быть голоду смертному.

Эту зиму Белава, Ярина и Дар пережили. Первое время ребята все тосковали по отцу и матери, ждали, что Недвига вот-вот появится, но она так и не пришла. Видать, завалило ее рухнувшей избой, если они не видели ее среди живых пленников и тела не нашли.

Белава ребятами не тяготилась. К тому же Дар оказывал посильную помощь, охотясь в лесу. Пареньку всего пятнадцать, но, надо признать, навыком охотника он владеет сполна, и без дичи они не жили. Подсоблял в хозяйстве и небольшой огород при лачуге. Но главным подспорьем оставалось все же знахарство, и от благосостояния сельчан в округе зависела плата, обеспечивающая жизнь ведунье и ее родным.

Рассвет просочился сквозь узкое оконце – пора вставать. Позевывая, Белава спустила босые ноги на земляной утрамбованный пол, сладко потянулась. День сегодня предстоит нелегкий: надо собрать побольше трав – накануне Купалы они имеют наибольшую лечебную силу. А вечером, когда сельчане на игрища соберутся, она пойдет искать цветок папоротника. Он распускается один раз в сто лет – только в купальскую ночь – и обладает сильной магией. С цветком папоротника Белава любую болезнь одолела бы, но он настолько скрытен, что не показывается людям на глаза, боясь попасть в дурные руки. Видать, правду говорят, что находят его только счастливые. Белава же в свои двадцать три счастья еще не видала.

Женщина тихо поднялась с приколоченной к стене лавки и двинулась к выходу, боясь потревожить сон сестры и Дара, спавших за печью, подальше от покосившейся двери и оконца, на охапке соломы, разложенной на земляном полу.

Восходящее солнце со светлой зарей вновь предвещало жаркий день. Белава прошла под навес, где хранились дрова и содержалась коза. Знахарка печально посмотрела на животинку, вздохнула удрученно: кормилицу пора менять. А может, зиму протянет, не сдохнет? О новой козе и мечтать нечего. Самим бы с голоду не помереть.

Подоив козу, Белава отвела ее на выгон, вернулась к лачуге. Ребята уже проснулись. Ярина хлопотала у костра, раздувая огонь.

Девушке минуло шестнадцать лет. Боги не поскупились, щедро одарили ее и стройностью, и приятной внешностью, и добрым нравом. От матери-иноземки ей достались иссиня-черные волосы, спадавшие до колен густыми шелковистыми прядями, черные брови и ресницы, выгодно оттенявшие светлое лицо с яркими алыми губами и темно-синими глазами. Телом же Ярина уродилась в северян: еще по-девичьи хрупкая, но в ней уже заметна женская стать, присущая славянкам: сильные ноги и золотые руки, в которых спорилось любое дело.

По тропинке, ведущей от родника, поднялся Дар, поставил бадью с чистой водой около Ярины и обратился к Белаве:

– Березку у родника по-новому принарядить бы надо к празднику. А то вдруг Берегиня обидится и высушит воду.

– Вот ты и займись этим после завтрака, – улыбнулась женщина, зная бережное, благоговейное отношение брата к святым местам. – А Ярина пойдет со мной травы собирать.

– Хорошо, – согласился Дар и, повернувшись к костру, принялся ломать сушняк.

Дар выглядел старше своих пятнадцати лет, вымахал выше всех парней в округе. В его твердой походке, гибких движениях, гордой посадке головы и развороте плеч чувствовались выносливость и мужская сила. Светлыми волосами, кудрявыми прядями спускавшимися на плечи, серыми глазами и прямым подбородком с еле заметным пушком он свел с ума не одну девчонку, но не обращал на них внимания. Единственными женщинами, которых он уважал, были его незаурядные сестры, обладающие даром целительниц.

На игрищах Дар считался первым заводилой и отличался завидной удалью. В военных состязаниях, устраиваемых иногда старейшинами селений между молодежью, он не знал себе равных, одинаково хорошо владея и ножом, всегда висящим на поясе вместе с ложкой и кресалом, и топором, и луком со стрелами, которые изготавливал сам. Всем этим премудростям с малолетства обучал его отец, и Дар не забывал науку, пополняя ее новыми приемами, придуманными им самим.

Белава часто задумывалась о дальнейшей судьбе Дара. Воинское искусство годилось для ратного боя, но было бесполезно в повседневной жизни пахаря. Ему бы на коне скакать, теша себя и других исполинским величием, а не жить среди простых сельчан.

Но боги распорядились судьбой Дара по-своему – не Белава перечить высшим силам. С рождением Дара была связана тайна, мучившая женщину, но не настолько, чтобы открыться юноше. Она надеялась на богов, которые со временем подскажут, как быть, а пока Белава приготовилась ждать, не тревожа парня напрасно.

После завтрака Белава и Ярина отправились собирать травы.

Дар почистил песком горшок, сполоснул его водой, поставил сушить на солнышке, нашел в лачуге разноцветные льняные ленточки и спустился к родничку, бьющему из-под земли.

Около родника распустила ветви молодая березка. Она приветливо замахала юноше, едва он показался на узкой тропинке.

Дар заботливо, стараясь не поломать хрупкие веточки, снял с дерева старые выцветшие на солнце, потрепанные дождями и снегами лохмотья, безжизненно болтавшиеся на ветру, – и привязал к нему новые яркие ленточки.

Украсив дерево, Дар обратился к Берегине с жаркой просьбой хранить источник от высыхания. В ответ березка ласково прошелестела разукрашенными ветвями. Довольный вернулся к лачуге.

Поднималось солнце, крепчала жара, становясь час от часу невыносимее. Сейчас бы самое время сбегать к Пселу искупаться, но нельзя. Перед Купалой – время игр и плясок нечистой силы. Только в купальскую ночь, пройдя очищение огнем, можно смело бросаться в воду, не страшась водяных. И в лес в русалочью седмицу¹⁹ ходить опасно – лесная дива защекочет до смерти. А так хочется скрыться от палящего зноя в тени густых деревьев!

Дар с тоской посмотрел на потухшие угольки утреннего костра. Еду готовить придется самому – сестры не вернутся до вечера. Они не успокоятся, пока не исползают на коленях окрестные луга и овраги.

Солнце украсило багряными лучами закат, бросая последний свет на землю, прежде чем скрыться за густыми деревьями, а сестры все не возвращались.

Дар прислушался к веселому шуму, доносившемуся со стороны веси. Молодежь собиралась на игрища. Он ждал их начала с юношеским нетерпением, предвкушая задорные прыжки через костры. Девки, поди, на пригорке уже вербу украшают венками из разноцвет-

¹⁹ Седмица – название недели у славян.

ных лоскутков и цветов. Вот-вот заведут хороводы и затянут песни, славящие Купалу. Дару давно пора быть там, чтобы вместе с другими молодцами круг разорвать и вербу отнять.

Юноша всматривался в сгущающиеся сумерки, чувствуя, как в нем наравне с беспокойством зреет злость на сестер, позабывших о времени, и вздрогнул от неожиданности, когда прямо перед ним возник незнакомец.

Одежда мужчины была новой, добротной и явно иноземной, хотя немного помятой, видимо, после дальней дороги. Сорочка из тафты²⁰ подвязана широким поясом. Штаны заправлены в кожаные сапоги на твердой подошве. На плечах – бархатная накидка с блестящей застежкой, изображающей ход солнца по небосводу. На боку – меч. Да и сам мужчина был под стать наряду: строен, высок, широкоплеч. Русыми волосами поигрывает ветерок. Глаза, в сумерках цвета не разобрать, смотрят открыто, но настороженно.

Дар уставился на гостя. Он хоть и был сельским жителем, а доподлинно знал, что меч не всякий воин имеет – это оружие иноземное и ковали²¹ славянских племен изготовление мечей еще не освоили. Купить меч можно только на самых богатых торгах в больших городах за очень высокую цену или с риском для жизни выручить в бою. Мечи принадлежали князьям, мужам старшей дружины, состоятельным купцам и, как правило, передавались от отца к сыну. Если наследовать было некому, то меч отправлялся в загробный мир вместе со своим владельцем. В любом случае наличие меча указывало на то, что перед Даром стоит человек непростой.

– Ты кто? – спросил незнакомец.

– А сам ты кто таков? – возмутился Дар, забыв о гостеприимстве: повесил меч, так думает, может властвовать над всеми? – Явился непрошено, да еще допрос учиняешь?

– Я мачеху пришел навестить, – вполне миролюбиво ответил мужчина, не собираясь препираться. – Я давно не был дома и только сегодня узнал, что мой отец умер, а мачеха живет здесь. Вот и пришел узнать, не нуждается ли она в чем-нибудь.

– Нам ничего не надо, – поспешил заверить Дар, удивляясь: пасынки не больно-то жаловали Белава.

– А Белава где? – мужчина огляделся вокруг.

– Да вот я, – раздался голос из сумеречной тьмы, и к лачуге вышли сестры, неся полные лукошки трав. – Кто это меня спрашивает?

Белава поставила ношу и подошла к гостю, внимательно в него вглядываясь.

– Веселин! – радостно воскликнула она. – Ты ли это?

– Признала меня, – улыбнулся мужчина. – А я думал, позабыла уже.

– Ну что ты, Веселин, как можно забыть тебя. Хотя, надо сказать, сразу не узнать – возмужал. Отец тобой сейчас гордился бы. Жаль, ты не приехал на тризну²² по нему – показал бы всем ратное умение. Видать, больших успехов ты в жизни добился – одежда на тебе богатая и оружие справное. Это хорошо, а то братья твои отцовское добро между собой поделили и тебе ничего не оставили.

– А мне ничего и не надо, – беспечно отозвался мужчина. – Я не пахарь теперь. Сначала воином был, а сейчас больше торговлей занимаюсь.

Белава, слушая пасынка, вдруг заметила беспокойный взгляд брата и спохватилась:

– Да я тебя заговорила совсем. Садись с нами вечерять, а то ребятки мои на игрища спешат. И ты, поди, соскучился по родным гуляньям? Сколько лет-то тебя дома не было, дай вспомню. – Женщина задумалась, подсчитывая. – Лет пять прошло точно с тех пор, как отец благословил тебя на дальнюю дорогу. Ты с женой приехал или как?

²⁰ **Тафта** – шелковая узорная ткань.

²¹ **Коваль** – кузнец.

²² **Тризна** – часть погребального обряда, сопровождаемая военными играми, состязаниями, жертвоприношениями.

– Холост я еще. Купцам семьей обзаводиться нельзя, пока они крепко на ноги не встанут. Вот избу на посаде в Киеве возведу, тогда о жене и подумаю. А приехал я с другом Жихарем. Он уже здесь зазнобу себе нашел, и, боюсь, до утра я его не увижу.

Пока старшая сестра и гость развлекали друг друга разговором, Дар и Ярина, быстро похлебав уху, собрались на игрища. Юноша переоделся в чистую рубаху из отбеленного полотна. Ярина надела поневу²³, распустила волосы, вплела в них височные кольца из проволоки, загнутой по-северянски в плоскую спираль. Завершал ее праздничный наряд берестяной венец на голове.

– Ну, мы пошли! – весело крикнула Ярина и, смеясь, ухватила Дара за руку.

– Идите, – кивнула Белава с тайной грустью: беззаботная юность.

Дар и Ярина, не заметив перемены настроения сестры, устремились к лесной поляне, откуда раздавались купальские напевы и веселый хохот.

Белава задумалась. В ночь на Купалу создаются семьи. Вполне возможно, что Ярина не явится домой, а утром вместо нее придет какой-нибудь молодец и предложит Дару вено за сестру. Белава вовсе не против ее замужества, но женская доля переменчива, и счастливая юность порой резко переходит в страдания. Как уберечь сестренку от невзгод, отравляющих женщине жизнь, от злой свекрови и равнодушия мужа?

Воцарившееся молчание парализовало и Веселина. Он не мог отвести глаз от белого лица женщины, едва различимого в надвигающейся тьме. Лицо притягивало и манило, завораживая гостя.

Из-за Белава погнала Веселина из отчего дома дорога. В первый же день, как он ее увидел, еще в ее родительском доме, куда отец взял сынов смотреть невесту, она поразила его глубокими печальными глазами, гордой осанкой и презрительным «нет», сказанным в лицо жениху. Увидев ее потом в лесу, покорную, но с блеском ненависти в глазах, он потерял покой навсегда. Огромные очи преследовали его даже во снах. Сколько раз он втайне желал обнять мачеху, приласкать ее и целовать. Целовать до изнеможения, до умопомрачения...

Веселин не выдержал тогда, сорвался с родных мест, скрылся, думая в далеких землях развеять тоску-печаль. Лета действительно стерли из памяти лицо, походку, мелодичный голос женщины, но взгляд зеленых глаз сопровождал его всюду неотступно, днем в видениях и ночью во снах, где бы он ни был.

Стоило ему вновь увидеть Белава, неутоленная жажда обладания возродилась с прежней силой, будто и не было пяти прожитых вдали от нее лет. Веселин сидел, не смея пошевелиться, чувствуя желание, захлестнувшее все его тело.

За время разлуки Белава еще больше похорошела. Светлые густые брови и ресницы не казались простоватыми на ее позолоченном солнцем лице. Алые губы манили коснуться их, а тонкие руки, смиренно лежащие на коленях, дополняли облик мягкой женщины, придавая ему нежное очарование и какую-то трогательную незащищенность. Повойник²⁴ плотно прилегал к голове, скрывая волосы, но Веселин не забыл рассыпанный шелк цвета липового меда, окружавший женщину в лесу на поляне, защищавший ее от нахальных глаз его братьев.

Веселин почувствовал непреодолимое желание снять повойник и запустить пальцы в мягкую шелковистость льняных прядей.

«Почему она имеет надо мной такую власть? Может, она и впрямь ведьма, как люди говорят? Нет дыма без огня. Заколдовала меня, и нет мне теперь покоя ни подле, ни вдали от нее», – подумал Веселин и невольно поежился от внезапно повеявшей из темной чащи прохлады, остудившей его пыл.

²³ Понева – юбка, которую носили поверх рубахи.

²⁴ Повойник – головной убор замужних женщин.

Белава очнулась от дум, встала.

– Ну вот, Веселин, пора и нам расходиться. Я сейчас за травами пойду. Есть растения, которые только в ночь Купалы собирать надо, и нам, целительницам, это время упускать никак нельзя.

Веселин обрадовался, что мачеха нашла повод для прощания, – сам бы он так и сидел здесь, пригвожденный к земле ее взглядом. Он поспешно вскочил на ноги и, прощаясь, прикоснулся к ее руке. Оба ощутили обжигающие искры, стремительно пробежавшие по телу.

Белава отдернула руку: что за наваждение?

Веселин вдруг понял: если он сейчас уйдет, то уже никогда не избавится от желания обладать этой женщиной. Он заглянул в ее лицо, слегка затененное вечерней густой завесой, и снова неудержимое влечение, прямо-таки колдовское притяжение, охватило его.

«Да не ведьма она вовсе, – постарался успокоить он себя, – а обыкновенная женщина. Только взгляд ее жжет и привораживает. Чего я боюсь? Мало у меня женщин было? Стоит мне утолить свое желание, я позабуду ее раз и навсегда».

– Не спеши, Белава.

Веселин понял: если он сейчас не возьмет все в свои руки, то испугается и откажется от безумной затеи, а другого случая уже не будет. Мужчина вдохнул в себя воздух и выпалил, страшась получить отказ:

– Ночь длинная, Белава. Пойдем лучше к купальским кострам, попрыгаем, судьбу испытаем.

– Чего это ты удумал? – смутилась женщина. – Куда мне судьбу пытаться? То забава юных. Поищи себе напарницу помоложе среди девиц на поляне, а мне недосуг с тобой прохлаждаться.

Сказала, а у самой так сердечко и затрепетало в предвкушении чего-то неизведанного, чудесного. Веселин, не отвечая, крепко схватил ее за руку и потянул к мелькающим вдали огням.

Белава, вопреки себе, подчинилась, словно какая-то неведомая сила подхватила и понесла ее к кострам, будто ночную бабочку – к светлому теплу.

«Старики и те ходят на купальские игрища, – оправдывалась она перед собой. – Почему бы и мне не повеселиться? А травы после купания соберу, ничего – не завянут, подождут!»

На поляне былолюдно. Собралась не только молодежь, но и более зрелые по возрасту сельчане со всей округи. Говор, смех, крики, песни, переплетаясь, создавали невообразимый шум, приводящий всех присутствующих в праздничное возбуждение.

Посередине поляны стояла большая уродливая соломенно-тряпичная кукла Купала с плоским пустым лицом – никто не додумался нарисовать ей нос, рот и глаза. Купале уготована зловещая судьба: ночью ее утопят в Пселе и снимут тем самым запрет на купание.

На краю пригорка несколько парней, смеясь и шутя, привязывали к деревянному колесу, изображавшему солнце, обрезки лоскутьев и пучки сена-соломы. Рядом трое юношей с зажженными факелами в руках стояли наготове – дожидались сигнала, чтобы поджечь колесо и пустить его с пригорка вниз. Так и солнце после Купалы нисходит с высшей отметки на небосводе и катится вниз до самой зимы.

Все обычаи пришли из глубины веков и свято почитались в северянских весях. Огонь и вода очищают душу и тело человека. Именно с огня и воды, говорят волхвы, начинался мир.

Девушки и парни, взявшись попарно за руки, с визгом и уханьем прыгали через три пылающих костра. Если во время прыжков через огонь руки жениха и невесты не разомкнутся, то семейная жизнь будет счастливой. А как же иначе, ведь любовный союз скрепил сам огонь.

Языки пламени взмывали вверх, в звездное небо, освещая разгоряченные, возбужденные лица, искаженные отблесками огня. А вокруг, за поляной, непроглядной тьмой царила ночь.

Веселин повел Белава к первому костру. Женщина смущалась и в глубине души уже проклинала себя за беспечность, с какой позволила уговорить себя прийти на игрища. Ей казалось, что все вокруг смотрят на нее, смеются: вдова, а, как юная девица, женихов привлекает.

Белава огляделась: никто на нее не смотрел. Женщина успокоилась, но со страхом воззрелась на пылающий огонь. Давно она уже не прыгала через костры. На Купалу ходила только омываться и собирать травы. Молодцы, даже в девичестве, никогда испытывать судьбу ее не приглашали, боясь ведовского сглаза.

А теперь она, почтенная вдова, собралась прыгать с собственным пасынком. Рассудок помутился, что ли? А если она бухнется на потрескивающий от жара хворост?! Стыд какой!

Белава задрожала. По спине поползли мурашки, когда ладонь Веселина обхватила ее ладонь и резко дернула вперед. Видя перед собой бушующее пламя, Белава побежала к нему. Перед самым огнем она зажмурила глаза и... прыгнула.

Полет длился одно мгновение, а сколько чувств сменилось за это короткое время! Белава пролетела от страха до восторга и с удивлением приземлилась по другую сторону костра. Рука Веселина все так же крепко сжимала ее ладонь. Белава не успела прийти в себя, а они уже бежали к другому костру и с ходу перемахнули через него.

Она уже ничего вокруг не видела, не замечала, кроме жаркого пламени, уходящего под самое черно-синее небо и разбрасывавшего снопы искр. Людской говор и смех сливались в ушах в монотонный единый гул, и только «у-ух» Веселина звучало как-то обособленно, наполняя душу щемящим восторгом.

Они взметнулись над третьим костром и преодолели его.

Полет тела окончен, а опьяненная, возбужденная душа требует большего. Хочется прыгать снова и снова над очистительным огнем, прыгать до бесконечности, всем телом ощущая, как подхватывает тебя ветер и бросает сквозь жар. И замирает в этот миг сердце от сладкого страха, и оживает, едва ноги касаются твердой земли.

Пламя снова манило к себе. Белава потянула мужчину к кострам, чтобы повторить круг бешеной скачки, но он не поддался ей, а незаметно, но настойчиво стал подталкивать с освещенной поляны в непроглядную густоту леса. Белава, полностью находясь во власти сказочного полета, не остыв еще, плохо вникала в происходящее и, не сопротивляясь, позволила себя увести.

Купальские огни, едва различимые, мелькали где-то вдаль. Веселин остановился и повернулся к женщине, безропотно следовавшей за ним по пятам. Неожиданно натолкнувшись на него, она замерла и огляделась вокруг.

Вековые деревья угрожающе шелестели со всех сторон. По ногам дул легкий ветерок, навевая прохладу. Впереди мрачно блестело озеро, про которое ходило много страшных легенд и поверий. Говорили, что в нем водится прожорливое чудовище, поедающее заживо случайно забредших сюда охотников, путников и грибников. А еще раньше, давным-давно, в озере топили девушек, чтобы умиловить его грозного хозяина. Правда это или нет, Белава не знала, но ходить сюда боялась даже днем, не то что ночью, пусть и в праздник.

Веселый шум поляны заглох, вместо него появились жуткие ночные звуки: скрипы, шорохи, шелесты, стоны, – будто лес наполнился витающими духами, дивами и русалками. И луна боялась заглянуть в этот мрачный уголок леса, осветить его и развеять страхи.

– Зачем ты привел меня сюда? – поежилась Белава и схватилась за висящий на груди оберег с изображением солнца, надеясь, что он не даст пропасть в дремучем царстве тьмы.

Жаркое прерывистое дыхание коснулось ее щеки.

– В купальскую ночь, после очищающего огня, положено омыться от всякой порчи.

– Здесь?

Белава обеспокоенно посмотрела на мелькающее среди деревьев лесное темное озеро. Ледяная вода в нем могла свести судорогой и ловкого пловца, но подсознательно женщина понимала, что угрожает ей не мрачная вода, а горячая близость мужчины.

Веселин обхватил ее мягкое тело руками, властно притянул к себе, прошептал, наклоня голову к ее уху:

– Белава, милая, я давно ждал этого дня. Не отталкивай меня.

Женщина задохнулась от негодования – да как он смеет так вольно обращаться с вдовой своего отца?! Но тут же пришла в такое волнение от ощущения на своем теле горячих мужских рук, что растерялась, не зная, как быть: оттолкнуть и отругать или полностью отдаться во власть приятных ощущений.

Не в силах объяснить нахлынувшие вдруг новые неизведанные чувства, Белава ощущала надвигавшуюся опасность, исходящую от мужчины, но не могла ее предотвратить.

Веселин воспользовался легким замешательством женщины, еще крепче прижал ее к своей груди и обхватил ее рот настойчивыми губами.

Никто ни разу Белаву не целовал. Она оцепенела: легкая волна наслаждения обволакивала, туманила голову, и сил не было пошевелиться и воспротивиться.

Руки Веселина постепенно овладели всем, ставшим вдруг податливым, телом женщины: гладили по спине, спускались к бедрам, блуждали по ним, прижимая ее живот к своему. Прикосновения были мучительно сладкими. Неизвестное ей ранее желание привело душу в смятение, не давало опомниться и попробовать устоять перед упорным натиском. Наоборот, ее плоть, помимо воли и сознания, плотнее прильнула к молодому крепкому телу мужчины.

– Я давно хотел любить тебя, моя желанная, – иногда шептал Веселин, отрываясь от ее губ, и, не владея собой, повторял эти слова вновь и вновь как магическое заклинание и снова закрывал соблазнительные губы поцелуем, теряя голову от вожделения.

А Белава млела и таяла от простых извечных слов, музыкой отзывавшихся в растревоженной неискушенной душе. Чувство опасности и недоверия притупилось. До крайности возбужденная плоть победила разум, не давая в полной мере осознать и понять происходящее, толкая на старые как мир действия, правящие всей жизнью на земле.

Веселин сорвал с головы женщины повойник и с наслаждением запустил пальцы в белые волосы, шелковым потоком скользнувшие по нежным плечам на грудь. Другой рукой он ласково склонил Белаву к душистой траве. И она безропотно легла, со всей страстью отдаваясь поцелуям и объятиям, все более охватываемая трепетом в предвкушении блаженства.

Веселин поднял подол льняной рубахи и прикоснулся к ногам женщины, приподнимая ткань все выше и выше. Белава горела и извивалась под его требовательными руками, соблазняя нехитрым любовным танцем плоти, – и мужчина почувствовал, что уже не в состоянии сдерживаться.

Белава не была настолько наивной, чтобы не знать, чем может закончиться игра в эту купальскую ночь, и испуганно встрепенулась, вспомнив боль и отвращение, изведенные сполна от постылого мужа. Она попробовала вырваться, но возбужденного мужчину уже невозможно было остановить.

Белава зажмурила глаза и обмякла, осознав вдруг, что ей приятен напор мужчины. В голове пронеслись мысли, оправдывавшие ее поступок: не с любым человеком она пошла бы на гулянье, прыгала через костры и удалилась бы в темный лес подальше от людских глаз. Веселин всегда относился к ней по-доброму, с лаской и теплотой, потому-то она доверилась ему, отдалась во власть безрассудного вожделения.

Белава лукавила и гнала от себя истину, не желая признаваться в том, что молодой мужчина разбудил ее тело непритворной подавляющей страстью, и на месте Веселина мог сейчас оказаться любой.

Белава вскинула руки и погладила спину мужчины, провела по русым волосам и спустила руки опять на спину, и заскользила ими вниз, испытывая такое всепоглощающее удовольствие, что замурлыкала от восторга.

Достигнув высшего наслаждения, Веселин и женщину увлек в пучину чувственного иступления. Выбившись из сил, он откинулся на спину, выравнивая тяжелое дыхание. И Белава пребывала в возбужденном состоянии, но вскоре дыхание ее восстановилось, и к ней вернулась ясность мысли.

Белава исподтишка посмотрела на полуобнаженного мужчину и залюбовалась им: его безупречной сильной фигурой, твердым подбородком, большими губами. Происходящее с ней сейчас казалось ей чем-то сказочным, перевернувшим весь ее размеренный спокойный мир, наполнив его чудесным светлым чувством.

Белава подумала, что судьба неспроста свела ее и Веселина в эту купальскую ночь. Связавшие их незримые узлы казались прочными. Ей хотелось любить. Она ни разу еще не испытывала этого чувства и теперь решила, что это и есть любовь.

Пять лет Веселин предавался тайным грезам обладания недостижимой женщиной и, воплотив мечту в действительность, понял, что лишился покоя окончательно. Теперь он знал наверняка – эта женщина заколдовала его. Но колдовские пути не тяготили, а были желанны, как была желанна сама чаровница, подарившая ему ночь небывалого наслаждения.

Мужчина очнулся от дум, повернулся к Белава и неожиданно встретил ее настороженный взгляд, блуждающий по его лицу. Веселин испугался: как он мог ради своего удовольствия позабыть о чувствах женщины и насильно подчинить ее своей похоти?

– Белава, я не мог устоять...

– Тихо, милый, – она приложила палец к его губам, – не говори ничего. Посмотри, какая дивная ночь! В ночь Купалы свершаются чудеса, и все, что со мной произошло сейчас, – это чудо. Я благодарю тебя за него. А теперь пойдем – искупаемся.

Белава тихо рассмеялась. Небывалая легкость охватила тело. Холодная вода уже не пугала мрачным блеском. Женщина вложила свою ладонь в ладонь Веселина, как бы вверяя себя надежной защите, и радость затопила сердце от крепкого пожатия в ответ.

Они поднялись и помчались к мелькавшему среди деревьев черному озеру, на ходу сбрасывая с себя остатки одежды. Весело поплескавшись в ледяной воде, выскочили на берег и прижались друг к другу в любовном порыве, согреваясь возбужденными телами. Переплетая руки и ноги, упали на пушистый ковер из лесных трав и вновь предались страстной игре, захватившей их до появления первых солнечных лучей.

Едва забрезжил рассвет, любовный пыл Белавы несколько остыл. Чудная ночь опьянила ее своей бесшабашностью, и она, потеряв голову, отдалась во власть страсти, не думая о будущем. Нет, она вовсе не стыдилась. В купальскую ночь многие миряне без удержу отдаются зову плоти, но в нее вселилось беспокойство, присущее всем влюбленным женщинам. Кто она в судьбе Веселина? Ведь у него своя, незнакомая ей жизнь где-то вдали. Разлука с ним неизбежна и обещает быть болезненной. Неужели он уедет и забудет о ней?

Веселин уловил перемену в настроении женщины и нежно обнял ее, прижав к груди.

– Милая, ты ведь понимаешь, эта ночь не может пройти для нас бесследно. Я люблю тебя и хотел бы забрать тебя в Киев...

Он замолчал, мучительно подбирая слова для объяснения. Белава, затаившись, ждала.

– Пойми, Белава, пока это невозможно. Куда я приведу тебя как жену? Я сам у Жихаря живу в полуразвалившейся избушке. И в городе мы с ним бываем лишь наездами.

Белава сникла; к глазам подступили предательские слезы.

– Понимаю, – перебила она, желая показать, что не имеет на него притязаний. – Да сама я куда поеду? Я сестру и Дара не смогу одних оставить. Они и так горюшка хлебнули по макушку...

– Ну, о них можешь не беспокоиться, твоих родных я не обижу. Я уже скопил немного монет и на следующее лето поставлю избу. Тогда и тебя заберу, и их тоже. Потерпи немного. Поверь мне, я обязательно вернусь за тобой.

Веселин осыпал ее лицо жаркими поцелуями. Белава разомлела. Она верила ему. А что ей оставалось? Только верить, надеяться и ждать.

Под утро вернулись в лачугу Ярина и Дар. Не найдя сестры, приуныли. Они видели, как гость уволок ее в безлюдный уголок леса, и очень беспокоились.

– А вдруг Белава надумает уехать в Киев? – предположил Дар. – А мы тогда как же?

– Ты скажешь, Дар, – засомневалась Ярина. – Не может она нас бросить одних, с собой возьмет.

– Пораскинь мозгами: куда нас брать? Веселин сам, видно, у чужих людей живет, раз избу еще не поставил. Мы ему в тягость будем, лишней обузой.

Ответить на слова брата было нечего. Ярина притихла.

Стараясь не шуметь, в лачугу прокралась Белава. Ребята тихо лежали за печью, но она сразу догадалась – не спят.

– Чего притихли, пострелята? – спросила ласково.

– Сестрица, ты уедешь от нас? – всхлипнула Ярина, еле сдерживая плач.

Белава устыдилась. Она всю ночь предавалась любви, забыв о близких, а они, бедные, переживали и волновались за нее.

– Да кто вам сказал такое? – всплеснула она руками. – Ну, куда я без вас поеду? Веселин, конечно, обещает меня забрать к себе, но ему еще избу поставить надо. Он и вас возьмет. Только случится это, я думаю, не скоро.

Брат и сестра, успокоившись, уснули. Белава прилегла на лавку, но возбужденное состояние отогнало сон. Удивительно круто порой меняется жизнь. Вчера она спокойно собирала травы, а сегодня ее коснулась рука всемогущей Лады²⁵ и поселила в сердце трепетную любовь. Но как же быть теперь? Сможет ли она пережить разлуку? Белава казалась, что свет померкнет без любимого. Ну не может все оставаться так, как было до этой ночи. Все должно перемениться!

Солнце полностью поднялось, когда Белава, не выспавшись, вышла из лачуги проводить в дальний путь Веселина. Он заехал к ней, чтобы попрощаться.

Спрыгнув с коня, Веселин притянул ее к себе, ласково обнял за мягкие податливые плечи. Он выглядел бодрым и веселым – и это после ночи без сна! Глаза из-под выгоревших на солнце белесых бровей и ресниц с нежностью смотрели на Белаву.

Веселин приехал не один: невдалеке на коне маячил Жихарь – парень лет двадцати пяти, высокий, мощного телосложения. Вид парень имел хоть и простой, в отличие от принаряженного Веселина, но внушительный и устрашающий. Одет он был в льняную рубаху и кожаные штаны, заправленные в сыромятные сапоги; на кожаном ремне через плечо висел налучник²⁶; на спине – берестяной колчан со стрелами; на боку – нож, а за пояс заткнут боевой топор.

Северянские женщины при чужих людях стыдливы и стараются не проявлять своих чувств, а тут Жихарь смотрел мрачно и так презрительно кривил губы, будто Белава всего лишь очередная зазноба друга и не более того, что она вконец смутилась и стушева-

²⁵ Лада – богиня любви, брака, изобилия.

²⁶ Налучник – футляр для лука.

лась. Прощание влюбленных получилось каким-то быстрым, скомканным. Веселин крепко поцеловал Белаву, вскочил на коня и, махнув рукой, тронулся в путь. А она смотрела вослед всадникам до тех пор, пока они не скрылись в густом лесу.

Глава четвертая

Недвиг проснулась, сладко потянулась. Рядом похрапывал хозяин Кутай. Женщина недовольно сморщилась, встала, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить его. Он обязательно должен проснуться сам, иначе изведет всех своих домочадцев придирками и недовольством. И хотя Недвига считалась его любимой женой, доставалось и ей.

Печенеги – дикий люд. Мало кто из них обзаводится семьей, как это принято у большинства народов. Только богатые имеют жен и признают их детей своими. Остальные живут просто: любят с кем хотят, так что женщины порой сами не знают, кто отец ребенка.

Вообще, жизнь в печенежском стане очень сильно отличалась от той, к которой Недвига привыкла. Главное богатство – это табуны лошадей, крупный рогатый скот, овцы и козы. Разводили и верблюдов, но количество их было невелико. Между собой печенеги не торговали, ремесел никаких не было, награбленное добро забирали себе, а рабов продавали на крупных торгах.

Казалось, богатство само плыло в руки печенегов. Они никогда не думали о корме для животных: зимой и летом ковыль и тирса остаются свежими, и их легко разгрести от снега копытами. Начиная с весны до самой осени по рекам Дон и Итиль²⁷ следует множество торговых караванов – раздолье для грабежа. Самое великое для печенега счастье – это набег, засада, грабеж или просто война – все для захвата как можно больше пастбищ, добычи и пленных.

Простые печенеги распродавали почти всех пленных. Содержать рабов – это привилегия племенной верхушки: старейшин, вождя, его родственников и особо приближенных. Хозяин Недвиги как раз приходился братом вождю, что и способствовало его быстрому обогащению и желанию иметь подле себя как можно больше привлекательных женщин.

Сам Кутай красотой не блистал: небольшого роста, лысый, нос картошкой, глаза узкие – такие, какие и положены степняку, проводящему больше половины своей жизни на ветру. Ему было уже за пятьдесят, но ненасытность его не знала предела. Возраст не мешал каждую ночь приглашать к себе в вежу жену или рабыню. Последнее время привилегия ублажать мужа принадлежала Недвиге.

Недвига вышла из вежи. Солнце только-только взошло, и еще жара не вступила в полную силу.

Печенежские женщины, первыми начав трудовой день, уже возвращались с полными подойниками из степи, где паслись стада.

Пришла и Тенгиза, поставила два тяжелых подойника в тени, следом за ней рабыни несли каждая по два подойника. Позади всех приплелась Рута с одним ведром. Она была на сносях, и ей полагалось некоторое послабление.

Тенгиза хмуро взглянула на Недвигу:

– Чего стоишь? Почему костер не разожгла? Голодными хочешь нас оставить? Узнаешь тогда ласку хозяина.

Недвига уже привыкла к вечному недовольству второй жены, не стала препираться и споро принялась разжигать огонь. Рабыни молча разливали молоко по корчагам.

С тех пор как хозяин выделил среди рабынь Недвигу, Рута с ней почти не разговаривала. До этого она считалась его любимой рабыней. Вообще всех удивило то, что хозяин назвал Недвигу женой. Обычно этим титулом он награждал женщин, рабынь или степнячек – все равно, подаривших ему детей. С какой радости он выделил Недвигу, никто не понимал,

²⁷ Итиль – Волга.

хотя скрепя сердце и признавали, что она обладала той редкой красотой, которая встречается раз на тысячу женщин.

Рута не только завидовала, но и злилась, поскольку теперь ей доставалась вся тяжелая работа, а ведь она последний месяц донашивала дитя.

Рута была простой девушкой из небогатой славянской семьи, и рабская доля ее не тяготила. В плен она попала в год, когда родители разрешили ей вечерами гулять с подружками, чтобы подыскать себе жениха. Жениха она встретить так и не успела, а после пленения проделала тот же путь, что выпадает на долю почти всех рабов: невольничий рынок, невольничья ладья и снова невольничий рынок в Итиле²⁸, откуда она попала в царский дворец в услужение матери бека. Все бы ничего, но хозяйка отчего-то невзлюбила девушку и велела сыну убрать ее с глаз долой. В то время как раз снаряжали посыльных с подарками для степняков – так Рута оказалась в печенежском стане.

Рута всеми силами желала подарить Кутаю детей, но почему-то рожала мертвых. Она не понимала: за что ей такая доля? Вот Тенгиза тоже была рабыней, но родила хозяину сына и сразу стала женой. Правда, мальчик умер через два года, но Тенгиза осталась при муже. Недвига же вовсе не принесла хозяину детей, а он все равно назвал ее женой. Не иначе заколдовала!

Костер наконец разгорелся. Вскоре на огне забулькала вода в котле, ароматно запахло мясом.

Еда – еще одна из печенежских особенностей, к которым Недвига долго привыкала. Поскольку печенеги не занимались земледелием, то не употребляли крупы и не знали, что такое мука. Недвига очень скучала по пирогам и блинам, а молочную пищу и мясо иногда даже на дух не выносила, видеть не могла и ела только лишь для того, чтобы поддержать в себе силы.

Солнце поднималось выше и выше. Жар от костра становился все невыносимее.

«Искупаться, что ли?» – подумала Недвига.

– Я к реке схожу, постираюсь, – сказала она старшей жене Кутая, изможденной пожилой женщине.

Та уже села за шитье прямо около костра и в ответ лишь кивнула головой. Старшая жена, в отличие от Тенгизы, к Недвиге относилась хорошо, никогда не ругалась, не кричала на рабов и вообще была смиренной женой. У нее уже были внуки, и, кроме своей главной обязанности – варить обед, она занималась детьми.

Кочевой стан в это лето расположился около небольшой речки, впадавшей в Дон. В основном речку можно было перейти вброд, но среди прибрежных зарослей встречались и глубокие места, к которым и направилась Недвига, подальше от людских глаз.

Первым делом она постирала свою одежду и развесила ее по кустам, затем вошла в воду и с наслаждением принялась плескаться. Вдоволь набулытавшись, вылезла на берег, распустила волосы, тщательно расчесала их костяным гребнем, снова заплела в косу, совершенно не замечая, что за ней пристально наблюдают.

Недвига потрогала одежду – высохла, пора одеваться и отправляться в стан. Там ее, наверное, уже потеряли. Она быстро натянула тонкие шаровары и уже собиралась надеть платье, как вдруг перед ней возник гибкий воин в кожаных штанах, с голой грудью, с волосами, перехваченными на затылке истершимся ремешком. Простота одежды не обманула женщину: широкий пояс с нашитыми на нем бляшками, изображающими волка, свидетельствовал о принадлежности воина к печенежской знати.

Недвига невольно вскрикнула, прикрыв оголенные груди рубахой, и тут же зашипела на незнакомца:

²⁸ Итиль – столица Хазарского каганата.

– Уйди...

– Какая ты красивая... – восхищенно прошептал мужчина, оглядывая ее потемневшими от страсти глазами. – Ты чья?

Он протянул руку, пытаясь отобрать рубаху. Недвига увернулась.

– Я жена Кутая.

Незнакомец нахмурился, еще раз оглядел ее с головы до ног, повернулся и исчез в прибрежных кустах.

Недвига быстро натянула рубаху и побежала в стан, дав себе слово, что больше никогда не пойдет к реке одна. И все же, надо признать, незнакомец смутил ее, приведя душу в трепет. Неужели она под тридцать лет не потеряла еще привлекательности? А почему бы и нет? Что, у нее семеро по лавкам? Она и рожала-то всего один раз, давным-давно, уж и сама забыла когда. И лета вовсе не трогают ее прекрасного лица, и седина не тревожит черные шелковые волосы. Женская природа относится к ней очень даже благосклонно.

Жаль, что посмотреться не во что. Зеркало – слишком роскошная вещь не только для славянки, но и для печенежской женщины. Хочешь полюбоваться на себя – смотришь в воду. Но Недвига не сомневалась, что ничуть не подурнела за зиму в плену. А иначе почему бы Кутай назвал ее женой?

Вечером она снова увидела незнакомца. Он пришел вместе с охотниками, принес дичь, свалил добычу у костра, где хлопотали женщины из семьи Кутая, метнул на Недвику быстрый взгляд. Она смутилась, отвернулась. Мужчина отошел.

– Кто это? – спросила Недвига у старшей жены.

– Баян – сын Кутая.

– А почему я его раньше не видела?

– Он жил в другом печенежском племени. Наши знатные воины часто гостят в дружественных родах – это знак признательности и дружбы. Оттуда Баян жену привез.

– А что, Баян здесь жену не мог найти?

– Почему не мог? Наши молодницы на него сами запрыгнуть готовы, не один босоногий мальчонка из ребятни, что вертится вокруг, может считать себя его сыном. Но таковы уж наши обычаи, часто дети знают только семью матери, и лишь в последнее время мужчины стали признавать детей, чтобы их богатство не досталось чужим людям. Но тихо, вон идет жена Баяна. Сейчас дичь потрошить будем.

Недвига украдкой посмотрела на приближающуюся женщину, и сердце остро заныло: молода, красива, крепкого телосложения. С такой в соперничестве не потягаешься.

«Господи, ну о чем я думаю? – ужаснулась Недвига. – Узнай муж, убьет тут же!»

Лучшее средство от непрошенных дум – работа, и Недвига с головой ушла в дела, что действительно ей быстро помогло. Вскоре она совсем забыла о встрече у реки, тем более что вечером стоны Руты, собравшейся рожать, вообще отбили всякие посторонние мысли.

Едва Рута схватилась, скорчившись, за живот, стало ясно, что пора звать шамана – в печенежском стане ни одно жизненно важное событие не проходило без его участия.

Старый шаман идти к роженице не торопился. Рабыня, бегавшая за ним, пришла с наказом:

– Положите Руту на множество шкур и перевяжите живот широким ремнем.

Женщину быстро уложили в веже, перевязали, как было велено. Она вела себя спокойно, даже с некоторым достоинством, но иногда, когда схватки становились невыносимыми, прикусывала губу и едва слышно стонала.

Наконец пришел шаман: нечесаный старик, длинный и худой, в сером рубище до щиколоток, грязном и в заплатах.

Недвига шамана не любила. Он всегда ходил угрюмым и мало общался с людьми. Женщин, детей, рабов он вообще не замечал, разговаривая только с мужчинами. Недвига

несколько раз, встречая его в стане, кланялась, но он проходил мимо, даже не взглянув в ее сторону.

Шаман приложил ладони к животу роженицы, постоял так, шепча заклинания, затем принялся давить сверху вниз, как бы подгоняя плод к лону. Рута закричала, но Тенгиза тут же заткнула ее рот кляпом.

– Зачем же они издеваются над ней? – возмутилась Недвига.

Жена Баяна посмотрела на нее с удивлением.

– Шаман, наоборот, облегчает ей роды, – пояснила она. – Все печенежские женщины так рожают. Только мы не кричим, как рабыни, не тревожим наших мужчин. Пойдем нагреем воды.

Они вышли из вежи, причем Недвига с превеликим нетерпением, не вынеся больше чужого страдания.

Она грела воду, а жена Баяна носила ее в вежу. И хотя на стан давным-давно опустилась ночь, женщины в их семье не спали. Один Кутай уснул безмятежным сном, вовсе не интересуясь исходом родов.

Недвига так и провела всю ночь под открытым небом, изредка подремывая у костра, где грелась вода. Первым под утро ушел шаман, затем из вежи вышла старшая жена. В руках она держала мертвое тельце ребенка.

– А Рута? – спросила Недвига.

– Жива, жива, – успокоила женщина.

Недвига вошла в вежу.

Рута, вся в крови, лежала на шкурах и плакала.

– Разве я смогу родить здесь? – пожаловалась она сквозь слезы.

Недвига намочила тряпку и принялась протирать роженицу.

– Да, нам тяжело вынести такие роды, но печенежские женщины рожают ведь.

– Конечно, им все нипочем, – усмехнулась сквозь слезы бедная женщина. – Теперь хозяин не назовет меня своей женой. Век мне рабыней оставаться. А ведь я намного вас с Тенгизой моложе! Разве это справедливо?!

– Недвига, – окликнула Тенгиза, – хватит с ней возиться, бери подошники, пойдем на дойку.

Бессонная ночь прошла, наступил новый день, и никто не пожалеет женщин, не предложит им отдохнуть, и до самого вечера они будут трудиться, едва не падая от усталости, не смея попросить даже часа на передышку.

После появления Баяна мужчины в стане заговорили о союзе двух племен для борьбы с уграми²⁹, занимавшими сочные пастбища рядом с Хазарией, и о скором походе с целью наживы. Разумеется, с Недвигой этими сведениями не делились, в печенежском стане женщины вообще не принимали участия в военных советах. Но именно они умели очень хорошо слушать, поэтому любое предприятие мужчин становилось известно всем.

Недвига не понимала одного: степь была огромнейшей, бескрайней, – неужели ее не хватало для безбедного житья всем: и печенегам, и уграм, и другим племенам, обитавшим здесь?

Но, видно, печенег создан только для войны и разбоя. Он не знал более приятного развлечения, чем набеги на незащищенное оседлое население, грабежи и засады на торговых водных путях.

В походы ходили несколько раз за лето, для того, чтобы обеспечить себе безбедное проживание зимой. С собой воины часто брали женщин – тех, кто не был обременен детьми.

²⁹ Угры – венгры, в конце IX века изгнаны печенегами с Подонья.

Печенежская женщина с детства привыкла сидеть на лошади, многие были воинственны не менее мужчин и с удовольствием принимали участие в боях. Но обычно женщины, когда мужчины разоряли села, сторожили повозки. В случае превосходства противника повозки бросали, и если женщина не могла о себе позаботиться и сбежать, то становилась пленницей. Ничего не поделаешь – победителю и награда.

Узнав о походе, Недвига обрадовалась: муж уедет и наступит пусть небольшая, а передышка. Наконец-то она сможет отдохнуть от его настойчивых неприятных ласк. Но, как назло, будто прочитав ее мысли, накануне отъезда он предупредил:

– Недвига, ты отправишься со мной.

– А как же Тенгиза? – удивилась женщина: до этого привилегия ходить с мужем в походы принадлежала второй жене.

– Вы поедете вдвоем, – ничуть не смутился Кутай.

Тенгиза метнула на соперницу уничтожающий взгляд. «С нее станется под шумок боя и меня извести», – подумала Недвига и покорно стала собираться в дорогу.

Сборы были недолги. Подвижная легкая конница всегда была готова к военным действиям: засаде в неожиданных для противника местах, стремительному натиску и грабежу в селах, умению быстро скрываться при неудаче. Мужчины, вооруженные луками, копьями и саблями, вообще никогда не выпускали оружие из рук.

Первый день ехали мирно. Лошадей, запряженных в повозки, погоняли женщины. Спереди и сзади ехали верховые. Далеко вперед был послан отряд лазутчиков, выискивавших богатые поселения.

За весь день остановились всего раз – поили лошадей, и только к вечеру наконец устроили ночной привал. Мужчины распрягали коней, женщины разжигали костры.

Недвига с удивлением оглянулась: Тенгиза куда-то исчезла. Подошла жена Баяна:

– Недвига, я костер разожгу, а ты за водой сходи. Здесь неподалеку ручей течет. Только не задерживайся, скоро стемнеет.

Недвига спустилась к небольшой речушке, зачерпнула в котелок воды. Хотела тут же вернуться в лагерь, но не удержалась, отставила котелок, нагнулась над водой, поплескалась, омыла лицо, руки. Выпрямилась и вдруг на другом берегу заметила двух женщин, стоящих друг против друга. В одной из них она узнала Тенгизу, другая, толстая старуха, была ей незнакома.

Недвига насторожилась, но, испугавшись, что женщины заметят ее, решила уйти. Уже подхватывая котелок, она увидела, что старуха передала Тенгизе какой-то предмет, тут же исчезнувший в складках ее одежды.

Недвига двинулась по тропинке к стоянке, но не удержалась и оглянулась. Женщин на берегу не было.

– Что за наваждение? Показалось мне, что ли?

В степи действительно солнце садилось быстро, и вот уже темнота накрыла землю, и, если бы не разожженные костры, можно было потеряться.

На подходе к стоянке, чуть в стороне Недвига увидела Тенгизу, пробиравшуюся через высокую траву.

– Тенгиза? – окликнула она, прежде чем подумала: а стоит ли?

От неожиданности женщина вздрогнула, но тут же успокоилась.

– А, это ты. За водой ходила? А я вот погулять решила перед сном, ноги размять...

Тенгиза пошла по тропинке впереди, и Недвига заметила, что подол у нее мокрый – не иначе речку в брод переходила.

Они вместе подошли к своим повозкам, где горел уже яркий костер и на огне жарилось мясо.

– Недвига, я устала тебя ждать, – укорила жена Баяна, – ставь скорее воду на огонь. А ты, Тенгиза, где была?

– А тебе-то что? – огрызнулась та.

Жена Баяна смутилась и ничего не ответила. Тенгиза считалась в походе старшей среди всех женщин из семьи Кутая.

Тенгиза двинулась к своей повозке, но вдруг оступилась и, ойкнув, присела. Из рук ее выпала небольшая дощечка. Недвига тут же подняла ее. При свете полыхающего огня она хорошо разглядела ее: красноватая, с отколотым уголком, с вырезанными черными знаками³⁰.

– Что это?

– Не твоё, отдай. – Тенгиза вскочила и выхватила дощечку. – Это магические знаки. Кто не понимает, тому несчастье приносят. Так что не хватай, что тебе не принадлежит.

– А тебе она зачем?

– Да что вы ко мне пристали все сегодня? – в сердцах воскликнула Тенгиза и скрылась в своей повозке.

Недвига задумалась – не эту ли дощечку передала ей старуха?

– Тенгиза все время злится, – перебила ее мысли жена Баяна. – Не понимаю, что я ей сделала плохого?

– Она не на тебя, а на меня злая. Я же у нее любовь мужа отнимаю.

– Мне кажется, она вовсе его не любит и вообще печенегов не любит.

– Как так? Разве сама она не из этого рода? – удивилась Недвига, которая никогда никого не расспрашивала о Тенгизе и ничего про нее не знала.

– Она неизвестно кто, – усмехнулась женщина. – Мне Баян про всю свою семью рассказал. Говорят, она принадлежала самому кагану³¹, и, когда печенежские роды перекочевали в Подонье, каган всем вождям прислал подарки, чтобы не грабили окраины его государства. Для вашего вождя среди подарков была и Тенгиза. В молодости она славилась красотой. Рута больше о ней знает, они ведь обе из Итиля прибыли. Тенгиза и сейчас неплохо выглядит. Чем-то на тебя похожа...

– А как же она стала женой Кутая?

– Вождь умер, а по печенежским обычаям, если воин при жизни никого не назвал женой и не признал каких-то детей своими, то все его добро распределяется между всем родом. Вот отцу Баяна она и досталась, родила ему сына и из рабыни превратилась в жену.

Рассказ женщины удивил Недвигу, но быстро вылетел у нее из головы, поскольку, в общем-то, она давно старалась поменьше общаться со злобной Тенгизой.

После еды, почесав брюхо, Кутай рыгнул и сказал:

– Сегодня я пойду в повозку к Тенгизе.

– Я счастлива, милый, – вторая жена обвила руками его шею, исподтишка победно посмотрев на соперницу.

«Ну и хорошо, – думала Недвига, укладываясь спать на мягких шкурах. – Мне отдых тоже не помешает. А Тенгиза-то как обрадовалась! Нет, не права жена Баяна, думая, что ей безразличен муж. И все же странный сегодня был вечер».

Но сон быстро сморил женщину, не дав ей продумать до конца все, что она увидела и услышала. А ночью случилось происшествие, после которого Недвига вообще не хотела больше об этом вспоминать.

³⁰ Печенеги пользовались рунической письменностью.

³¹ **Каган** – правитель Хазарии.

Печенег, коварные разбойники, не ожидали, что кто-либо еще может действовать теми же средствами, что и они. Хотя ими предусмотрительно был выставлен дозор, он не помешал неизвестному отряду подойти близко к стоянке и напасть на спящих людей.

Недвиг проснулась от воинственных криков. Она сразу поняла, что случилось что-то ужасное, выскочила из повозки. Первым, кого она увидела, был Баян. С луком на изготовку он подбежал к ней, крикнул на ходу:

– Быстрее лезь под повозку и не высовывайся.

Дважды повторять не пришлось, она мигом сиганула в пространство между колесами и замерла, настороженно вглядываясь в темноту. Но обзор был невелик: перед глазами мелькали только чьи-то ноги и раздавались устрашающие крики.

Бой кончился так же неожиданно, как и начался. Ночные пришельцы растворились в предутренней мгле, оставив печенегов подсчитывать свои потери.

Из повозок стали вылезать испуганные женщины. Недвиг тоже выползла из своего укрытия, отряхнулась. Воины возбужденно переговаривались. Вдруг раздался крик:

– Вождь погиб!

Вождь лежал у своей повозки ничком, между его лопаток торчала рукоятка длинного ножа.

– Странно все это, – задумчиво произнес Баян.

Он нагнулся и резким движением выдернул нож из окровавленного тела. Хрустнула кость, и Недвиг невольно зажмурилась, когда из раны брызнула кровь.

Вождя подняли, положили в повозку.

– Надо в стан возвращаться, – решил Кутай, – вождя надо хоронить по обычаю.

– А дозорные где же? – вспомнил кто-то.

Вскоре с дозором все стало ясно. Воины безмятежно спали, сладко похрапывая во сне.

Старший протер глаза, недоуменно уставился на окруживших их хмурых воинов.

– Как вы могли уснуть на посту? – возмутился Баян.

– Не знаю...

– Пока вы тут дрыхли, вождя убили.

Старший мертвенно побледнел.

– Наваждение какое-то, – заикаясь, начал он оправдываться, – ведь раньше с нами такого не случалось. А в этот раз все чудно как-то было, женщины принесли еду и питье, а больше ничего не помню...

– Ладно, в стан возвращаться надо, – снова затвердил Кутай. – Старейшины разберутся, что к чему. Свяжите их, пусть пешком идут.

Всю дорогу Баян и его отец ехали рядом, обсуждая происшествие.

– Странное какое-то нападение. Не грабили, пленных не взяли, неожиданно появились и тут же исчезли, – недоумевал Баян.

– И дозорные почему спали? Ведь не было раньше такого, – вторил ему Кутай. – Брата жалко. На десять лет младше меня. Как он переживал, все хотел сплотиться с другими племенами, сколько троп к ним проложено было, сколько переговоров, ненужных обид друг другу высказали, прежде чем решить вступать в союз. Все насмарку...

– В стане старейшины устроят нам дознание... – переживал Баян. – Что говорить будем? Не уберегли вождя, так и головы лишиться можно...

– Мы не виноваты, а парней молодых жалко. Уснуть в дозоре – позор на весь род. Им уж точно головы не сносить...

Недвиг ехала, украдкой поглядывала на красавца Баяна и изредка вздыхала, вспоминая ночное происшествие. В разгар боя он бежал к ее повозке. Зачем? Неужели беспокоился? Хотелось думать именно так. И не было ей дела ни до странных ночных разбойников, ни до боя – она жива, и Баян живой, и большего ей в этой жизни ничего не надо.

Глава пятая

За все лето хорошего дождя так и не выпало. Где-то гремели раскаты грома, сверкали молнии, но тучи Стрибог³² гнал мимо полей, и осенью северяне собрали скудный урожай.

Да и осень подступила к порогу до того жаркая, что разноцветные деревья не спешили сбросить разноцветную листву; и птицы, собираясь в стаи, не торопились покидать родные места. От суши в лесах – ни грибочка. Травы пожухли на корню. Из обмелевшей речки ушла вся рыба. Зверь из леса удалился в непроходимые дебри.

Зато в лесу, на лугах, на полянах и пригорках – повсюду уродилось много ягод. Все лето они поспевали, опережая друг дружку, земляника, малина, костяника, брусника, калина, радуя известных сластен – ребятишек.

Белава заполняла дни до отказа, чтобы не скучать о Веселине, сама себе находила дела и заботы, но ночью все равно приходила тоска. Сколько времени прошло с отъезда любимого! Иная и думать о нем давно перестала бы, а вот она грустит и переживает. Беспокоят сердце то печаль, то сомнение: неужели залетка на одну ночь ею мог серьезно увлечься? – то ревность: может его молодница какая ждала в неведомом Киеве, пока он ей шептал слова ласковые? Изводят душу страхи, и нет от них спасения.

Поздней осенью, едва забрезжил рассвет, в дверь постучали. Белава поднялась с лавки, прошлепала босыми ногами к двери, открыла ее и обомлела: на пороге стоял виновник бессонных ее ночей. Она бросилась в его объятия, прижалась к родной груди.

– Я на один день к тебе выбрался, – прошептал Веселин. – Мы с Жихарем скоро отправимся за пушниной, вернемся весной и сразу поплывем за моря, на гостьбу³³, ею торговать. Я не мог надолго уехать, не увидев тебя. Меня никто не приметил, не бойся. Я сюда лесом пробрался в окружную, а Жихарь в лесу остался с лошадьми. Я так соскучился. Как ты жила без меня?

Проснулись Ярина и Дар, уставились на неожиданного гостя.

– Чего зыркаете?! – прикрикнула на них Белава. – Не видите, человек с дороги? Скорее вставайте и бегите готовить еду.

Брат и сестра мигом поднялись и скрылись за дверью. Белава улыбнулась любимому, потянула его на разбросанные в беспорядке на полу грубые шкуры, еще хранящие тепло ребят.

Истосковавшие в разлуке друг по другу мужчина и женщина тесно прильнули друг к другу. Руки их заскользили, срывая одежды. И, не владея собой, влюбленные повалились на шкуры, в первобытном порыве сливаясь в единое целое.

После бурных ласк и объятий, насытившись бешеной любовью, они умиротворенно лежали, переживая мгновения наслаждения. За стеной лачуги раздался приглушенный смех, который отрезвил Белаву, вернув ее в обыденный мир. Она быстро поднялась, подхватила с пола рубаху и поспешно натянула через голову.

Веселин остался лежать, с удовольствием наблюдая за одевающейся женщиной, подмечая красоту и совершенство ее тела, постоянно приводившее его плоть к искушению. Белава выпустила из-под ворота волосы, и светлые пряди заструились по спине. Мужчину охватил трепетный восторг.

От откровенно восхищенного взора любимого Белава смутилась, потупила глаза, вспыхнув ярким румянцем. Заметив ее смущение, Веселин довольно позабавился: ему льстила ее невинность. Тяжелое замужество не испортило эту женщину, оставив чистой в

³² Стрибог – бог ветра.

³³ Гостьба – внешняя торговля.

помыслах и стыдливой в любовной утехе. Кому, как не ему, знать, что иные девицы после первой же ночи, проведенной с мужчиной, становятся развязными и прилипчивыми, и так тяжело бывает от них отвязаться. Веселин в своей молодой купеческой жизни видал многих, но все они проходили мимо сердца безликой чередой, не задерживаясь. Он и имена их не трудился запоминать, зная, что никогда не вернется к ним снова.

Но Белава – особая женщина! И Веселин не сомневался, что она предназначена ему самой судьбой.

Веселин поднялся и стал не спеша одеваться, ничуть не стыдясь своей наготы. Белава застенчиво отвернулась и загремела горшками в куту³⁴. Мужчина еле заметно ухмыльнулся: ничего, осталось немного потерпеть, и когда он увезет ее в Киев, то научит любить по-настоящему, не стесняясь своей страсти.

В дверь тихонько заскреблись, вновь раздался смех. Белава настороженно замерла, прижав к груди деревянную миску до того трогательно и смешно, что Веселин, не выдержав, снисходительно улыбнулся:

– Ты думаешь, они не знают, зачем их вытолкали за дверь?

Белава украдкой бросила взгляд на почти одетого мужчину. Убедившись, что вид его вполне пристойен, позволила ребятам войти.

Ярина и Дар встали, робея, у порога.

Веселин, заполнив собой все свободное пространство лачуги, пристегивал сбоку меч. На оружие с трепетом и немым уважением воззрился Дар.

– Нам, купцам, поневоле приходится владеть мечом, – пояснил Веселин юноше, видя его явный интерес, – мало ли что бывает на торговых дорогах. Вот недавно на Днепре появились новые разбойники – печенеги. Кто они и откуда, никто не ведает, но это безжалостный народ. Четыре лета назад киевский князь Аскольд побил их, так они теперь земли полянские не трогают, зато в степи стали грабежом промышлять.

– А в прошлое лето какие-то степняки напали на мою родную весь, – печально произнесла Белава, – убили нашего отца, а Недвига, их мать, – она кивнула на притихших ребят, – вероятно, погибла под обломками сгоревшего дома. Кто были те разбойники – неизвестно. На хазар не похоже: зачем им грабить веси, которые исправно платят дань? Может, это и были эти... как их там?

– Печенеги, – подсказал Веселин. – Наверное, они. Вообще-то, говорят, печенежских племен много по степи кочует.

Стараясь отвлечь хозяев от печальных дум, навеянных воспоминаниями, купец достал из заплечного мешка подарки. Сестрам подал нарядные красные кожаные сапожки, а Дару – нож с искусной костяной рукояткой.

– Нож этот не простой, из закаленной стали. Он тверже и острее обычных – на лету плат режет. Ковали держат способ изготовления такой стали в великой тайне.

Сестры и Дар поклонились, принимая подарки, а Веселин вдруг смутился, хотя поклон у славян – обычное дело.

Незаметно пролетел день. Не успели Белава и Веселин насмотреться друг на друга, а уже землю окутала осенняя ранняя ночь. Мужчина заторопился.

– Пойду я. Жихарь в лесу меня дожидается. Одному ему небось страшно. Вдруг волколак какой нападет. Прощай, Белава.

Белава, проведя весь день, ничем не выдавая печали, вызванной предстоящей скорой разлукой, не выдержала и бросилась к мужчине, обхватила руками за шею, зарыдала в голос. Ярина и Дар скрылись за печью, боясь помешать затянувшемуся прощанию.

³⁴ Кут – место около печи, где находилась домашняя утварь.

Веселин поцеловал женщину, прошептал ей ласковые слова утешения, но она еще крепче прижала его к себе. Тогда он насильно разжал ее руки, посмотрел на нее тоскливым взглядом и шагнул за дверь.

– Не поминай лихом, – донеслось до Белава из непроглядной темени, поглотившей любимого.

В долгие зимние вечера Белава и ребята, стараясь не слушать трескучего мороза за стеной или завывания дикого ветра, от порыва которого ветхое жилище ходило ходуном, садились в кружок около докрасна раскаленной печи. Глядя на отсветы огня, пляшущие на лицах яркими бликами, они рассказывали друг другу разные байки, придуманные тут же на ходу. Так они старались поскорее провести время, оставшееся до теплого лета и возможной перемены в их жизни.

Через месяц после отъезда Веселина, в студеную пору, поняла Белава, что последнее свидание не прошло бесследно, посеяв в ее чреве новую жизнь.

– Что же ты теперь делать будешь? – спросила Ярина, когда старшая сестра поделилась с нею новостью.

– Не знаю... Я ведаю траву, которая может изгнать плод из чрева...

– Ой, не надо, – испугалась девушка. – Дитя не будет нам в тягость.

Белава задумалась. Ребенок – плод жарких ласк и страстной любви. Разве поднимется у нее рука погубить его?

– Да я просто так сказала, – успокоила она Ярину. – Разумеется, дитя будет только в радость, а как же иначе, ведь его подарили боги. К тому же я сама хочу его, чтобы сохранить память о Веселине, если он никогда не вернется.

На колядки Белава и Ярина решили попытаться, что случится с ними в новое лето. Дар, не желая принимать участие в бабских глупостях, уснул за печью. Сестры расплавили на огне немного воска и пустили его в ушат с водой. Внимательно уставились на воду, но ничего путного не увидели. Воск расплылся в разные стороны безобразными буграми.

– Что же это такое, не пойму, – вздохнула Белава. – То ли беда какая нас ждет; то ли с Веселином случилось что-то плохое?

Она отошла от ушата, тяжело опустила на лавку и задумалась, наблюдая за бликами огня в печи.

Ярина посмотрела на безмятежно спящего брата. Его вовсе не волновало будущее. Счастливчик! Он не интересовался девчонками, а Ярина доподлинно знала, что многие красавицы в округе мечтают связать с ним свою жизнь. Сильный, смелый, добрый – он и впрямь стал бы для кого-то даром судьбы.

Белава принялась расплетать косу на ночь.

– Завтра схожу к пасынку Лютому, – заговорила она вновь, вздохнув печально, – попрошу у него петуха. Надо Роду жертву принести, чтобы спас Веселина от напастей в дальней дороге.

На другой день Белава спозаранку направилась в весь, погруженную в тихую зимнюю спячку, – только дым, валивший из всех щелей и проемов полуземляных изб, не давал забывать о том, что весь живет и стужа не пугает ее обитателей.

Ночное гаданье не выходило из головы Белава. Все более росла и беспокоила тревога о Веселине. О себе она не думала, считая, что в ее размеренной, спокойной и тихой жизни ничего плохого произойти не может.

Пасынок Лютый слыл на селе хозяином рачительным, но и жадным без меры, поэтому сначала отдавать мачехе петуха никак не хотел. Зима стояла голодная. Скудные запасы жита

берегли на новый сев, а поедали скотину, которую все равно кормить было нечем. Жили впроголодь и богов обильными жертвоприношениями не потчевали.

– Зачем тебе петух, Белава? Колдовать? Нет уж, – Лютый покачал головой, – он мне и самому пригодится. Старшая жена вон суп сварит, а то совсем оголодали.

– Вижу я, как ты с голоду пухнешь, – усмехнулась Белава и достала три куны³⁵.

При виде звонких монет глаза Лютого разгорелись, и он не устоял.

– Жена, – позвал он женщину средних лет, возившуюся в куту, – поймай Белаве петуха. Да смотри, слабенького лови, все равно сдохнет.

Держа драгоценную ношу под мышкой, Белава, увязая по колена в рыхлом снегу, поднялась к капищу³⁶ Рода. Перерезав петуху горло, она положила его перед деревянным идолом и замерла, с трепетом ожидая, как он оценит подарок. Бывает, жертва вскакивает, бежит, окропляет все вокруг кровью и порой даже летает – это считается дурной приметой, говорящей о недовольстве Рода.

Петух похлопал крыльями в последней предсмертной попытке взлететь и успокоился навеки. Белава обрадовалась: Род благосклонно принял принесенную жертву. Она упала на колени в холодный снег, слегка подтаявший от живой горячей крови, и простерла руки к Богу, упрашивая его хранить Веселина от всех бед и напастей в далекой земле.

³⁵ **Куна** – предположительно русское название дирхема, серебряной арабской монеты, имевшей хождение на Руси.

³⁶ **Капище** – место поклонения богам.

Глава шестая

Кутай очень изменился с того дня, как убили вождя. Старейшины долго дознавались, как могло случиться, что дозорные уснули на посту, и почему все отделались незначительными ранами, а вождь был убит ударом ножа в спину, будто его кто-то поджидал у повозки.

Женщин никто не опрашивал, и Недвига долго раздумывала, рассказывать ли о встрече Тенгизы и старухи. Ее так и подмывало поведать старейшинам о странной дощечке, хранившейся у второй жены. И хотя Тенгиза была ей крайне неприятна, Недвига все же решила ничего не рассказывать.

Ну, мало ли какие тайны скрывает женщина? Вот и Недвига нет-нет да и взглянет на Баяна, и сожмется ее сердце в тоске и печали. Может, и Тенгизе какой воздыхатель через старуху послание передал? Тенгиза, конечно, злыдня, и наказать ее не мешало бы, только Недвига никогда не опустится до мелочного доноительства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.